

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяц. . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяц. . . 6 р. —

на 6 мѣсяц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Новарской пер. д. 5, кв. II.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ — Сиб.,
Новарской пер., д. 5, кв. II, а
также въ книж. маг., Вольфа,
Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ — въ книжномъ
магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ — въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ — въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Частная поземельная собственность въ Сибири и ея судьба. — Хроника. — Корреспонденціи: изъ Вѣрнаго, Иркутска, Красноярска, Томска, Кузнецка, Бійска и Тюкалинскаго округа. — Амурскій вопросъ. *В. Ваина*. — Иностранческій вопросъ въ Сибири. *Г. П.* — Бѣлая каторжница (быль). *Б.* — Литературныя и студенческія воспоминанія сибиряка: первое землячество. *Н. Я.* — Хроника жизни за недѣлю.

ПОДПИСКА на „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
за 2-е полугодіе принимается съ 1-го іюля.
За первое полугодіе остается ограничен-
ное число экземпляровъ.

ЧАСТНАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ВЪ СИБИРИ И ЕЯ СУДЬБА.

Въ петербургскихъ газетахъ недавно появилось слѣдующее извѣстіе: „Дѣйствіе правилъ о льготахъ, дарованныхъ въ 1861 году переселенцамъ Приморской и Амурской областей, относительно пріобрѣтенія въ собственность участковъ казенной земли, продолжено до 1891 года. Генераль-губернаторъ Восточной Сибири поднялъ вопросъ о настоятельности продажи земель въ частныя руки, такъ какъ отсутствіе поземельной собственности въ краѣ, по мнѣнію его, служить тормазомъ экономическаго преуспѣянія Восточной Сибири“.

Извѣстіе о такомъ проектѣ насъ удивило, тѣмъ болѣе, что онъ не только не вызывается потребностями мѣстнаго населенія, но идетъ въ разрѣзъ имъ и также противорѣчитъ положенію колонизаціоннаго вопроса въ Сибири и нуждамъ переселенія.

Вѣроятно, восточно-сибирской администраціи остался неизвѣстенъ подобный опытъ, уже сдѣланный въ Западной Сибири, а также представленіе генераль-губернатора Западной Сибири Мещерінова въ министерство государственныхъ имуществъ о необходимости прекращенія продажи земель въ Западной Сибири въ частную собственность и состоявшееся согласіе министерства государственныхъ имуществъ по этому поводу. Какое основаніе для возобновленія этого ходатайства въ Восточной Сибири — намъ неизвѣстно.

За то извѣстно намъ слѣдующее о происхожденіи этого вопроса въ Сибири. Мысль о томъ, что причина застоя си-

бирской промышленности и сельскаго хозяйства заключается въ отсутствіи частной земельной собственности, — мысль, порожденная не на основаніи мѣстнаго экономическаго изученія края и изслѣдованія причинъ отсталости хозяйства, но завезена пріѣзжими цивилизаторами, желавшими à vol d'oiseau, экспромтомъ, разомъ разрѣшить весь вопросъ народнаго хозяйства и отыскать универсальное средство поднять культуру края. Таковы были мысли бывшаго генераль-губернатора Западной Сибири Гасфорда, который предположилъ, что общинное владѣніе землею тормозитъ развитіе хозяйства, и началъ ходатайство о продажѣ земель въ Сибири. Вопросъ долго обсуждался въ бывшемъ сибирскомъ комитетѣ, причѣмъ министерство государственныхъ имуществъ дѣлало серьезныя возраженія. Распродажа нѣкоторыхъ оброчныхъ статей была допущена наконецъ въ видѣ опыта. И вотъ въ 1860 г. въ Западной Сибири начались продажа и расхищеніе лучшихъ оброчныхъ статей. Каковъ же былъ опытъ и результаты его? Развилось ли фермерское хозяйство, поднялась ли промышленность, завелись ли усовершенствованія въ обработкѣ земли, были ли затрачены капиталы на земледѣліе? Ничего не бывало. Хозяйство и промышленность остались при прежнемъ нервобитномъ состояніи, но получилось слѣдующее: — послѣдовала вырѣзка земель около городовъ и сѣлъ, гдѣ населеніе наиболѣе нуждалось въ землѣ. Участки эти попали въ разныя руки, какъ-то: начальниковъ межеванія и межевщиковъ, а также въ руки мѣстныхъ исправниковъ; но послѣдніе фермъ здѣсь не завели, а участки эти перепродали богатымъ мужикамъ. Далѣе, участками съ превосходными лѣсами воспользовались сибирскіе винокуры, вырубали лѣса и сожгли ихъ на заводахъ. И это не послужило на пользу народнаго хозяйства. Вслѣдъ за винокурами огромные участки скупили богатые кулаки, которые не сами стали обрабатывать, но начали сдавать купленные земли другимъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ; владѣльцы начали спекулировать и земли нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Посредники эти пользуются всякой нуждой въ землѣ. Между тѣмъ въ округахъ, гдѣ лучшіе участки проданы, дѣйствительно на-

ступаетъ настоятельная нужда въ землѣ въ силу прироста населенія. Пробовали скулатъ обширные участки и мѣстные чиновники, но, увы, сословія землевладѣльцевъ всетаки не создалось. Нѣкоторые чиновники около Омска пытались завести заимки и убили на это кое-какіе капиталы, но опытъ фермерства рѣшительно не удался. Да и какая возможна была система хозяйства наемнымъ трудомъ, какое возможно было соперничество, когда хлѣбъ крестьянской стоилъ 17 и 20 к. пудъ въ зернѣ! Понятно, что землевладѣльцы прогорѣли, они разорились, заведенія забросили, а участки продали тѣмъ же кулакамъ.

Такова была исторія землевладѣнія въ Сибири, которое при настоящихъ экономическихъ условіяхъ искусственно трудно было создать. За то явились въ краѣ печальныя послѣдствія этой продажи. Спекуляція сдѣлала свое дѣло: лучшіе вырѣзанные участки около селеній отошли въ руки крестьянъ—кулаковъ и торгашей, которые не столько сами занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, сколько эксплуатируютъ бѣдныхъ крестьянъ-наемщиковъ. Увеличившееся крестьянское населеніе не могло получить прирѣзки, хотя къ сибирскимъ волостямъ постоянно приселяются обязательно ссыльные и свободные переселенцы. Въ Тобольской губерніи, гдѣ происходила распродажа оброчныхъ участковъ, уже нѣтъ свободныхъ земель. Населеніе начинаетъ страдать отъ малоземелья и выселяется въ сосѣднюю Томскую губернію, что показываютъ статистическія данныя о переселеніяхъ.

Истребленіе лѣсовъ въ дачахъ винокуровъ также не могло не отразиться бѣдственно на населеніи и снабженіи его топливомъ. Словомъ, данная мѣра принесла только огромный вредъ. Все это въ Западной Сибири было достаточно сознано и составлено было особое представленіе отъ генералъ-губернатора о прекращеніи расхищенія земель.

Недавно опытъ раздачи земель съ цѣлью созданія частнаго землевладѣнія повторился въ другомъ мѣстѣ Западной Сибири. Сибирское казачье войско имѣло обширныя земли, вырѣзанныя ему изъ степнаго кочеваго раіона. Земель этихъ приходится по 80 дес. на душу казачьяго населенія. Кромѣ того, по Иртышу идетъ десятиверстная нейтральная полоса между степью и русскими волостями. Казаки, будучи сами плохими земледѣльцами, пользуются, однако, порядочными доходами отъ киргизъ за пастбища. Не довольствуясь этимъ казачьимъ запасомъ и значительными капиталами, привилегированныя лица казачьяго сословія нѣсколько лѣтъ назадъ задумали выхлопотать себѣ право на это десятиверстное пространство для вырѣзки участковъ земли офицерамъ казачьяго сословія вмѣсто пенсіи; при этомъ десятиверстное пространство луговыхъ и пастбищныхъ мѣстъ показано пустопорожнимъ и будто бы никому не нужнымъ. Размѣръ же этого десятиверстнаго пространства вычисленъ былъ своеобразно, а именно десять верстъ въ одну сторону отъ берега и десять верстъ въ другую, что составило чудовищно громадную полосу изъятыхъ для населенія земель, даже для Сибири. Такъ какъ казачье войско имѣетъ свой межевой составъ, то понятно, размежеваніе земель между киргизами и казачьимъ войскомъ всегда выходитъ въ пользу послѣдняго. Вѣдомству, которое разрѣшало вопросъ, было весьма легко согласиться на проектъ вырѣзки земли вмѣсто пенсіи. Участки проектировались для штабъ-

офицеровъ кажется отъ 3 до 10,000 дес., другимъ по чинамъ. Конечно, участки были намѣчены для раздачи лучшіе. На сколько же удался этотъ новый опытъ привитія поземельной собственности и создалось ли фермерское хозяйство у казачьихъ штабъ-офицеровъ? Не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли состояніе, они, однако, не рискнули заняться сами раціональнымъ земледѣліемъ, имѣя въ виду низкія цѣны на хлѣбъ и невозможность конкурировать съ крестьянскимъ хлѣбомъ. За то нѣкоторые тотчасъ же предпочли продать свои участки кулакамъ и торговцамъ, имѣющимъ большія стада. Такъ одно лицо, получившее свой вымежеванный участокъ, продало его извѣстному арендатору и торговцу, владѣвшему ранѣе огромной арендой въ кабинетскихъ земляхъ, но вытѣсненному оттуда. Говорятъ, что и другіе награжденные торопятся перепродать свои участки, между тѣмъ какъ киргизы, нуждающіеся въ пастбищахъ и зимовкахъ особенно около рѣкъ и озеръ, вопіютъ: они знаютъ, что они должны будутъ арендовать эти земли у новыхъ землевладѣльцевъ-кулаковъ по какой угодно цѣнѣ. Невыгоды эти отразятся и на самомъ казачьемъ войскѣ: въ общемъ раіонѣ казачьихъ земель уменьшится и бѣднымъ казакамъ уже ничего не достанется. Предугадывая это, сами казаки начинаютъ протестовать противъ системы привилегированной поземельной собственности. Вотъ чѣмъ даетъ себя знать это новое землевладѣніе. Говорятъ, что мѣра эта вызвала уже жалобы и что въ области поэтому народился новый сложный земельный вопросъ, разрѣшить который предстоитъ немало труда.

Мы не думаемъ, чтобы такой опытъ могъ считаться удачнымъ. Ясно, что земли, раздаваемые и продаваемые въ собственность въ Сибири, служили не къ развитію хозяйства, а къ спекуляціи. Самая цѣль здѣсь прикрывала только инныя намѣренія. Къ указанному выше проекту въ Восточной Сибири поэтому даже столичныя газеты отнеслись скептически и не поняли его смысла. „Русскія Вѣдомости“ (№ 159) недоумѣваютъ, какую промышленность хотятъ поощрять этимъ на русскомъ Востокѣ. „На что понадобилась продажа земель для оживленія промышленности въ Восточной Сибири?—это вопросъ, для котораго, сколько ни ломай головы, не найдешь отвѣта, говоритъ газета. О какой промышленности идетъ рѣчь? Если о звѣриной ловлѣ, то продажа земель можетъ ей только помѣшать; если о разработкѣ золотыхъ приисковъ, то опять для предприимчивости поле свободнѣе, пока земли въ рукахъ казны; если о добычаніи желѣзныхъ рудъ и другихъ металловъ, то и тутъ казенная собственность благопріятнѣе для предприимчивости и широкаго развитія промышленности обрабатывающей, для нея нѣтъ въ наличности главнаго условія успѣха,—населенія, которое потребовало бы продукты въ размѣрахъ необходимыхъ для существованія фабрикъ, ни путей сообщенія, необходимыхъ для быстрого обращенія товаровъ и капиталовъ“.

„Нѣтъ, тутъ какое то недоразумѣніе, и мы отказываемся вѣрить сообщенному извѣстію. Сибири слишкомъ рано думать о развитіи промышленности; у нея есть другія задачи насущнаго свойства: развитію промышленности должна предшествовать колонизація, а продажа земель стѣснить колонизацію и будетъ новымъ препятствіемъ для развитія промышленности. Продать земли легко. Распродадутся лучшія

и удобнѣйшія земли, при недостаткѣ спроса и покупателей, ни за грошъ, а съ проведеніемъ желѣзной дороги и усиленіемъ колонизаціи поднимутся въ цѣнѣ въдесятеро. Земельная спекуляція, искусственно вызванная, отвлечетъ отъ промышленности капиталы и подорветъ ее въ тѣхъ слабыхъ зачаткахъ, какіе имѣются на лицо. Не говоря о другомъ вредѣ приведенной мѣры, она была бы пагубна и для самой промышленности, ради которой будто бы предполагается“.

Странно, что эти взгляды, хорошо извѣстны въ столицѣ и раздѣляемые министерствомъ государственныхъ имуществъ въ видахъ крестьянской колонизаціи, остаются непонятными для цивилизаторовъ окраинъ.

На самомъ дѣлѣ аграрный вопросъ въ Сибири стоитъ въ столь своеобразныхъ условіяхъ, какъ и самое сельское хозяйство, что разрѣшеніе его потребуетъ нѣсколько иное. Искусственно здѣсь трудно привить какую либо форму землевладѣнія и землепользованія; она создается самою экономическою жизнью и интересами населенія.

Частное хозяйство столь невыгодно въ Сибири при дешевизнѣ крестьянскаго хлѣба, неразвитой промышленности и при отсутствіи сбыта, что никакое наемное хозяйство не выдерживаетъ конкуренціи *). Даже волостные писаря, пробовавшіе заниматься сельскимъ хозяйствомъ при всѣхъ выгодахъ своего положенія, сочли его невыгоднымъ. Раздача и пожалованіе земель, осуществлявшіяся въ Сибири, не повели ни къ чему. Новые владѣльцы изъ крупныхъ чиновниковъ не пріѣхали даже взглянуть на участки и не нашли на нихъ покупателей. Многія владѣльческія земли, подаренныя за заслуги, около городовъ, какъ около Томска, а также земли Поповыхъ, Гороховыхъ и проч., перешли чрезъ нѣсколько рукъ, на нихъ затрачены были огромныя деньги, выстроены на нихъ усадьбы, дома, но все это не окупилось.

Все это доказываетъ, что одною раздачею земель рациональнаго сельскаго хозяйства не создашь и затратъ не выручишь. Такому хозяйству еще не пришло время. За то въ обширныхъ колоніяхъ, владѣющихъ свободными землями всегда является соблазнъ для спекуляторовъ захватить огромныя участки и эксплуатировать какъ мѣстное населеніе, такъ и переселенцевъ. Такія попытки спекуляціи были въ Сѣверной Америкѣ и въ Австраліи, но здѣсь правительство предусмотрѣло эту спекуляцію и положило конецъ ей. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ земли большими участками не продаются. Принципъ, положенный тамъ въ условіяхъ владѣнія землею, обработка земли самимъ владѣльцемъ.

Правительства, имѣющія колоніи, отлично поняли, что въ развитіи латифундій и въ крупномъ землевладѣніи будутъ лежать задержка колонизаціи. Переселеніе идетъ только на земли свободныя, а при владѣльческихъ земляхъ и когда земли перепродадутся кулакамъ, колонизація остановится.

Сибирь и Русскій Востокъ обладалъ доселѣ завидными условіями, запасомъ свободныхъ государственныхъ земель, на которыхъ свободно располагалась колонизація. Эти запасы должны получить еще болѣе цѣны въ виду накопленія безземельнаго пролетаріата въ Россіи. Предоставить расхище-

ніе земель въ Сибири—это значитъ остановить заселеніе окраины и дѣйствовать наперекоръ государственнымъ интересамъ.

Полагаемъ, что все это будетъ принято во вниманіе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ при обсужденіи настоящаго проекта. Наша же обязанность пожелать, чтобы жизнь крестьянскаго населенія и переселенцевъ складывалась на нашихъ окраинахъ въ той исторической народной формѣ, какую намѣтила сама жизнь. Народъ—лучшій творецъ будущаго и знатокъ своихъ нуждъ. На почвѣ своей исторической работы онъ создалъ великое государство, геній этого народа создастъ и великую колонію.

ХРОНИКА.

ЕНИСЕЙСКІЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ.

Енисейскій общественный музей, открытый пять мѣсяцевъ тому назадъ, привлекаетъ общественное вниманіе, выражающееся въ постоянныхъ посѣщеніяхъ публики, которой за это время перебивало около 4,000 человекъ, среди коихъ постоянно можно было видѣть рабочій и крестьянскій людъ, для котораго другія городскія, разумныя удовольствія недоступны. Съ открытія музея число предметовъ дошло въ немъ до 3,793, въ средѣ коихъ очень много цѣнныхъ и рѣдкихъ вещей. Съ открытіемъ музея множество частныхъ лицъ внесли въ него свои коллекціи. Причемъ сосредоточилось немало древностей: каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка. Г-да Черемныхъ, Грѣховъ, Китмановъ, Монкевичъ, Марксъ и друг. внесли свои вклады. Баронъ Аминовъ пожертвовалъ найденную въ Енисейской губ. кольчугу, Н. М. Мартыновъ пожертвовалъ 132 экз. минераловъ и горныхъ породъ, гербарій въ 351 видъ и окаменѣлости; Н. В. Подвысоцкій доставилъ черепъ аборигена, 110 минераловъ и гербарій въ 380 растений и Н. Ф. Федоровъ прислалъ 21 орудіе бронзоваго и желѣзнаго вѣка, минусинскаго и ачинскаго округовъ. Изъ числа 196 предметовъ, пріобрѣтенныхъ на средства музея, выдѣляются: 49 чучель разныхъ мѣстныхъ птицъ, укладъ (сталь), приготовляемый изъ мѣстной руды мѣстными кузнецами, производство коихъ славилось въ 40-хъ годахъ и составляло предметъ вывоза въ иркутскую губернію, и полный юрацкій костюмъ. Общее же количество всѣхъ предметовъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

По отдѣлу естественно-историческому: мѣстныхъ 2,229 и немѣстныхъ 951. По отдѣлу производствъ, промысловъ и сельскаго хозяйства: мѣстныхъ 425 и немѣстныхъ 7. По отдѣлу антропологии: 105 мѣстныхъ и 29 немѣстныхъ, всего 242.

Систематическимъ распредѣленіемъ коллекцій музея занимался г. Китмановъ, который вмѣстѣ съ г. Скорняковымъ велъ и хозяйственную часть. Немѣстные предметы, поступающіе въ музей, принимаются съ цѣлью объѣма на предметы мѣстные, которые могутъ быть въ другихъ музеяхъ или частныхъ рукахъ, или съ цѣлью сохранить ихъ для науки, такъ какъ въ противномъ случаѣ они могутъ затеряться, оставаясь въ рукахъ частныхъ лицъ, или съ цѣлью передачи ихъ вполнѣдствіи въ сибирскій университетскій музей, или же съ цѣлью помѣстить ихъ вполнѣдствіи въ особый отдѣлъ учебныхъ пособій. Книги же, поступившія и поступающія въ музей, должны послужить ядромъ будущей общественной бібліотеки, которую распорядители гг. Китмановъ и Скорняковъ предполагаютъ открыть при музеѣ въ непродолжительномъ времени, если только общество такъ же сочувственно отнесется къ ней, какъ и къ музею, потому что создать бібліотеку на собственыя средства музей не имѣетъ возможности, и можетъ просить только всѣхъ, сочувствующихъ цѣлямъ просвѣщенія, содѣйствовать ея развитію своими вещественными вкладами, которыхъ, вѣроятно въ енисейскомъ округѣ найдется немало. Съ цѣлью обезпеченія музея на будущее время предполо-

*) Что стоить обработка десятины крестьянину, см. Путешествіе по Западной Сибири въ 1878 г. Н. Ядринцова, Записки западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, кн. IV.

жено, по мысли г. Скорнякова, выдѣлять изъ доходовъ музея и библиотеки въ неприкосновенный капиталъ по 10⁰/. Денежное состояніе музея за пять мѣсяцевъ выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: субсидіи енисейской городской думы 200 р., пожертвовано разными лицами 447 р. и отъ любительскаго вечера 208 р. 90 к., всего 855 р. 90 к.; изъ коихъ израсходовано на заготовленіе мебели, приготовленіе чучель и покупку вещей, ремонтъ зданія, отопленіе его и на жалованье сторожу 620 р. 73 к.

Несомнѣнно, что Енисейскій музей будетъ имѣть свое воспитательное значеніе и обогатится подобно родоначальнику своему Минусинскому музею.

Раскиданныя и продающіяся въ частныхъ рукахъ коллекціи при помощи этихъ музеевъ становятся достояніемъ науки и поступаютъ въ общественное пользованіе. Въ этомъ случаѣ напомнимъ, что даже центральныя столичныя ученныя выставки, какъ, напр., выставка при сѣздѣ ориенталистовъ, не достигали своей цѣли; множество вещей пропало на нихъ, другія были возвращены, а научные предметы даже не были фотографированы.

Поясненіе къ отчету Енисейскаго музея въ № 15 газ. «Сибирь» справедливо говоритъ, что образцы мѣстной промышленности могутъ способствовать развитію и совершенствованію мѣстной промышленности.

Значеніе этихъ музеевъ для науки конечно неисчислимо и будетъ оцѣнено только впоследствии.

Вотъ почему мы должны признать заслуги инициаторовъ по созданію ихъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ встрѣтили недружелюбное отношеніе на мѣстахъ среди разныхъ корреспондентовъ, пытавшихся установить свой взглядъ на дѣло, дѣятельность енисейскихъ общественныхъ дѣятелей, во всякомъ случаѣ, оставитъ видный памятникъ будущимъ поколѣніемъ.

Какъ извѣстно, примѣру Минусинскаго и Енисейскаго музеевъ послѣдовалъ и Томскъ; вотъ что значитъ хорошій примѣръ и энергичная дѣятельность на пользу края.

Въ «Русскомъ Курьерѣ» отъ 13 іюня пишутъ: «Правительство, какъ намъ сообщаютъ, полагаетъ, что для губернскаго управленія совершенно достаточно будетъ одной канцеляріи этого послѣдняго. Что касается тѣхъ полномочій, какими облечены въ настоящее время генералъ-губернаторы и которые не могутъ быть приобщены къ программѣ административныхъ дѣйствій губернаторской власти, то такіе вопросы будутъ рѣшаться въ Петербургѣ, посредствомъ сношенія губернаторовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ телеграфомъ или телефономъ. Пребываніе же особой власти, въ лицѣ генералъ-губернатора на мѣстѣ, найдено совершенно излишнимъ и они, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствуютъ въ предоставленномъ имъ правѣ съ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Сокращеніе же отъ этого преобразованія расходовъ по администраціи государства предполагается весьма значительное. Останутся безъ измѣненія въ своемъ настоящемъ видѣ только развѣ военное генералъ-губернаторство въ Туркестанѣ, въ составъ котораго войдетъ степное генералъ-губернаторство, состоящее изъ Семипалатинской, Семирѣченской и Акмолинской областей; оно нужно въ край по случаю обширности китайской границы, соприкасающейся съ нашими владѣніями въ Азій, которая требуетъ охраны ея территоріи военною силою русской арміи».

По газетнымъ свѣдѣніямъ, съ увеличеніемъ тюремъ и улучшеніемъ путей сообщенія на Сахалинѣ предполагается сибирскія губерніи освободить отъ каторжнаго населенія, а для лучшей охраны арестантовъ и поднятія дисциплины предполагается тюремныя и постовыя команды смѣнять ежегодно; впрочемъ, указанныя преобразованія не могутъ состояться раньше пяти лѣтъ («Русс. Кур.»).

«Русскимъ Вѣдомостямъ» отъ 19 іюня сообщаютъ изъ Оренбурга, что въ теченіе послѣдняго времени ежедневно прибываютъ туда партіи переселенцевъ, день ото дня увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ. Крестьяне тянутся со всѣхъ сторонъ Россіи къ Оренбургу, какъ къ сборному пункту. Такъ, миновали подтавцы въ

числѣ двадцати повозокъ; проѣхали курыне въ такомъ же количествѣ. На переселенцахъ лежитъ главнымъ образомъ два отпечатка, характеризующіе степень зажиточности: или тянутся колымаги крохотныя, продырявившіяся, съ какими-то неопредѣленными по цвѣту покрывалами, съ замороженными лошадьми, почти безъ ничего; то наблюдается иная картина: сытыя лошади, длинныя, просторныя, приновленные къ пути, колымаги, въ которыхъ, очевидно, везется чуть не цѣлое хозяйство и которыя зачастую покрыты дешевой клеенкой; вокругъ телеги навязано до десятка паръ лаптей. Здѣсь все какъ бы предугадано, и ѣдутъ они въ далекую Сибирь болѣе спокойными. Очевидно, «снялись» самые богатые люди со своей стороны. Иные влечутъ болѣе жалкое путешествіе. У нихъ нѣтъ запасовъ и нѣтъ денегъ; нужда доканчиваетъ съ ними. Недавно цѣлая партія орловцевъ, изнеможенная длиннымъ передвиженіемъ, не дойдя и половины пути, распродала въ Оренбургѣ своихъ лошадей и скарбъ вмѣстѣ съ повозками. Что они станутъ дѣлать потомъ, воротятся ли назадъ или пойдутъ пѣшкомъ отыскивать привольныя мѣста, они и сами пока не знаютъ. На вопросъ, почему они расстаются со своими лошадьми, они безнадежно указывали, что не сообразили, во что имъ обойдется переселеніе; въ настоящее время они въ полномъ отчаяніи, не зная, что предпринимать. Хлопотали они о помощи, по ни откуда ея не получили. Деньги всѣ вышли. Прокормъ Христовымъ именемъ оказался невозможнымъ. За каждую лошадь они выручили отъ 20 до 25 руб. Телеги же ихъ оказались настолько ветхими, что могли быть употреблены лишь на дрова.

Въ маѣ проѣхали по Волгѣ на пароходѣ «Вѣра» (Самолетской комп.) 17 семействъ, изъ 36 взрослыхъ и 14 малолѣтнихъ, направляясь изъ Тамбовской въ Пермскую губ. Вмѣсто того, чтобы спустить на станціи Богородскѣ, этихъ искателей лучшихъ мѣстъ приволокли въ Казань, такъ что имъ предстоитъ обратное путешествіе — впрочемъ, не на счетъ небрежности пароходнаго общества. При крайнемъ недостаткѣ средствъ переселенцевъ, плата по 70 коп. съ души за не особенно пріятное лицезрѣніе Казани съ Устья является нѣсколько раззорительной («Каз. В. Л.»).

Въ городѣ Вѣрномъ въ концѣ мая получены просьбы о переселеніи отъ 400 крестьянскихъ семей изъ внутреннихъ губерній Россіи («Сѣв. Тел. Агент.»).

По поводу блестящихъ похоронъ ростовщика И. С. Хаминова, изъ Иркутска намъ доставлена слѣдующая замѣтка: «Пусть городъ, пусть дума и жители вспомнятъ, какъ они похоронили своего великаго историка Шапова и перваго иркутскаго голову, всѣми высоко уважаемаго за свою честность и открытый смѣлый характеръ — чиновника Петрова, жившаго трудами праведными, а потому не нажившаго себѣ палатъ каменныхъ и умершаго бѣднымъ».

Въ пользу семьи И. В. Омудевскаго въ Иркутскѣ собрано только около 1000 р. А вотъ, говорятъ, г. Фадѣеву для устройства театра собрали частною подпискою до 10 т. рублей.

Изъ жизни города К-ска В. Сибири рассказываютъ слѣдующій случай. «Недавно у насъ г. полицейскимъ надзирателемъ города К-ска Д. производилась опись имущества по иску разныхъ лицъ въ домѣ мѣщанина К. В. Л. Производя эту опись, г. надзирателю и депутатамъ П. и К. для осмотра подлежащей описи бани необходимо было войти въ нее, и каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли въ этой банѣ кучу уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ нашего окружнаго суда, и чуть ли не полный сводъ законовъ; разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ этихъ занимается лишенный правъ и преимуществъ ссыльный мѣщанинъ Ч., который составляемые имъ въ банѣ по дѣламъ доклады и рѣшенія выносятъ для подписи гг. членамъ суда, квартирующимъ тутъ же на одномъ дворѣ въ домѣ Л.»

Мы получили слѣдующее письмо отъ Тюменскаго временнаго комитета для пособія бѣднѣйшему населенію Тюменскаго округа по случаю неурожаевъ, отъ 9 іюня 1884 г., за № 213

«Г. редакторъ.

Получивъ отъ Васъ деньги (300 руб.) черезъ Тюменское отдѣленіе сибирскаго банка, пожертвованныя Иннокентіемъ Михайловичемъ Сибираковымъ для роздачи голодающимъ Тюменскаго округа, комитетъ покорнѣйше проситъ Васъ передать Иннокентію Михайловичу глубочайшую благодарность за оказанное пособіе, которое согласно его желанію роздано голодающимъ крестьянамъ изъ сѣмьныхъ въ Покровской волости мукой по два пуда на душу.

Предсѣдатель комитета Ив. Словцовъ».

Въ № 22-мъ «Восточнаго Обозрѣнія» сообщено было о семирѣченскомъ альбомѣ съ этнографическими замѣтками, типами и измѣреніями врачей Пояркова и Мацѣвскаго, причемъ выражено было сожалѣніе, что антропологическія измѣренія при подобныхъ представленіяхъ не всегда достигаютъ своего назначенія.

Нынѣ г. Щербаковъ въ качествѣ лица, завѣдывающаго разсылкой этого альбома, сообщилъ намъ письмомъ, что семирѣченскій альбомъ съ описаніемъ и изложеніями врачей представленъ въ особыхъ экземплярахъ: 1) въ императорское географическое общество, 2) въ западно-сибирскій отдѣлъ этого общества и 3) въ московское общество любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. Съ своей стороны снесясь съ московскимъ обществомъ любителей естествознанія и антропологии, мы узнали нынѣ, что дѣйствительно таковой альбомъ съ этнографическимъ описаніемъ принесенъ ему въ даръ, по отчета и сообщенія о немъ еще не было сдѣлано въ этомъ обществѣ, чѣмъ объясняется наша замѣтка.

Г. Щербаковъ указываетъ, что объ альбомѣ было сообщено въ «Новомъ Времени» и «Казачьемъ Вѣстникѣ». Охотно вѣримъ, но ученые извѣстія изъ газеты «Новое Время» мы не имѣемъ обыкновенія черпать, «Казачьяго Вѣстника» совсѣмъ не знаемъ и не подозрѣвали связи между нимъ и нашей Сибирью.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Вѣрный (корреси. „Восточн. Обозр.“). Агентъ „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ въ телеграммѣ своей изъ Вѣрнаго отъ 1 марта, напечатанной во всѣхъ газетахъ, говоритъ, что, по достовернымъ сообщеніямъ, въ Кульдѣжѣ продажи англійскихъ ситцевъ нѣтъ, привоза чаевъ изъ внутренняго Китая также нѣтъ... Корреспонденціи объ этомъ въ газетахъ далеко не точны“.

Для того, чтобы убѣдить васъ, что агентъ „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ сообщаетъ иногда совершенно недостоверныя свѣдѣнія, посылаю вамъ для видимости два образца англійской мануфактуры — парчи (продается по заявленію купцовъ нашихъ по 20 руб. за аршинъ) и матеріи въ родѣ нашего ольденора — только лучшей доброты*). Образчики ситца и другихъ фабрикатовъ пришлю вамъ по полученіи ихъ изъ Кульджи и Суйдуна. Былъ у меня въ рукахъ образчикъ ситца (по 50—40 к. за аршинъ), но онъ представленъ въ февралѣ г. Степному генералъ-губернатору въ подтвержденіе того факта, что ситцами англійскаго производства стали наполняться рынки Илійскаго края.

Эти образцы добыты въ нашемъ пограничномъ городѣ Джаркентѣ; отсюда слѣдуетъ заключить, что англійская мануфактура распространяется и въ нашихъ предѣлахъ, будучи привозима изъ Кульджи и Суйдуна. По свѣдѣніямъ изъ Кашгаріи, лучшіе рынки этой страны Яркендъ и Хотонъ стали давно уже наполняться со

стороны Кашмира англійскими фабрикатами; но до настоящаго времени англійская мануфактура находила себѣ неособенно большое распространеніе, вслѣдствіе сравнительной дешевизны и добротности нашихъ фабричныхъ произведеній. Такимъ образомъ, остается пожелать г. агенту почерпать свои свѣдѣнія, печатаемые въ телеграммахъ агентства, изъ источниковъ болѣе компетентныхъ и порѣже выступать съ опроверженіемъ фактовъ, о которыхъ имѣются у него смутныя свѣдѣнія отъ туземцевъ, всегда видящихъ въ задаваемыхъ имъ вопросахъ какую нибудь заднюю мысль. Тотъ же агентъ ранѣе, вѣдь, сообщалъ свѣдѣнія о распространеніи англійскаго фабриката въ приграничныхъ мѣстностяхъ, а теперь выступилъ съ опроверженіемъ, какъ видите, совершенно несомнѣтельнымъ.

Иркутскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). При невеселыхъ впечатлѣніяхъ жизни иногда невольно чувствуешь потребность заняться чѣмъ нибудь веселѣе. Въ этомъ отношеніи всегда можетъ быть готова къ услугамъ наша городская дума. Она болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ увеселительнаго учрежденія. Вотъ, на примѣръ, нѣкоторыя данныя о послѣднихъ ея засѣданіяхъ. Покойный Базановъ пожертвовалъ 100,000 р. городу на разныя благотворительныя потребности. Душеприказчикъ его препроводилъ въ думу, за вычетомъ изъ 100,000 руб. 8% пошлины, 92,000 рублей не деньгами, а облигаціями восточнаго займа, т. е., въ сущности, всего около 84,000 р. Дума потребовала отъ него остальной суммы. Онъ отвѣчалъ разными тонкостями, сущность которыхъ сводилась къ тому, что онъ доплачивать не желаетъ. Въ думѣ раздался голоса, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ всю сумму возвратить душеприказчику, т. е. отказать онъ неполнаго пожертвованія. Но другіе нашли эту мѣру слишкомъ радикальною — мы вообще не любимъ разставаться съ деньгами, да и ссориться съ богатыми людьми не желаемъ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили, что „дума остается при прежнемъ мнѣніи“ и что это должно быть выражено какъ можно глаже. Что же это за рѣшеніе, спросите вы, и какіе должны быть результаты? А объ этомъ нужно спросить у думы. Ей слѣдовало или отказать отъ пожертвованія, какъ предлагали нѣкоторые гласные, или, если она уже рѣшила принять его, то возбудить искъ о недоданной суммѣ. Остаться при мнѣніи, въ сущности, значить ничего не рѣшить и ничего не сдѣлать. Далѣе, городской интендантскій садъ былъ отданъ въ аренду благородному собранію по 100 р. въ годъ, на три года. Предъ истеченіемъ срока аренды собраніе обратилось въ управу съ ходатайствомъ — оставить за нимъ садъ, за ту же плату, еще на 10 лѣтъ съ тѣмъ, что собраніе обязывается устроить новый вокзалъ. Въ думѣ сначала состоялось было рѣшеніе — произвести на отдачу сада торги, но въ слѣдующемъ засѣданіи это рѣшеніе было замѣнено тѣмъ, чтобы подождать отъ собранія нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Нынѣ эти свѣдѣнія доставлены и дѣло разсматривалось вновь. Хотя и на этотъ разъ были голоса за отдачу сада съ торговъ, но большинство нашло, что при такомъ способѣ отдачи садъ можетъ попасть въ руки спекулянтамъ, которые настроятъ въ немъ кабаковъ — какъ будто не отъ самой думы зависѣло постановить такія условія аренды, при которыхъ устройство кабаковъ было бы невозможно. Въ концѣ-концовъ было рѣшено — оставить садъ за собраніемъ на предложенныхъ имъ условіяхъ. Само собою разумѣется, что и собраніе беретъ садъ въ аренду не для какихъ либо общепользныхъ цѣлей, а просто въ виду спекуляціи, потому что лѣтнія гулянья въ саду даютъ ему большой доходъ. Извѣстно, что нѣкоторыя лица уже соглашались взять садъ въ аренду за 1,000 руб. въ годъ, даже съ выполненіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя

*) Образцы матеріи дѣйствительно были присланы въ редакцію.

приняло на себя собраніе. Взявши его въ аренду на долгій срокъ, собраніе сдѣлало очень выгодную аферу. Почему же садъ не былъ отданъ съ торговъ? Да просто потому, что во главѣ управленія дѣлами собранія стоятъ разныя тузы и тузики, а у нѣкоторыхъ гласныхъ существуетъ органическая потребность преклоняться предъ сильными и вліятельными. А результатомъ этой потребности выходитъ потеря, на довольно долгій срокъ, одной изъ самыхъ выгодныхъ статей городского дохода. И это при недостаткѣ городскихъ средствъ, при безпрестанныхъ напоминаніяхъ отъ думы управѣ, чтобы послѣдняя изыскивала средства къ увеличенію доходовъ. Вообще дума безпрестанно постановляетъ противорѣчающія рѣшенія и тѣмъ нерѣдко въ одно засѣданіе уничтожаетъ результаты дѣятельности и собственной, и городской управы. Предложеніе управы объ уплатѣ одному изъ ея членовъ 75 р. за наемъ помѣщенія для соломы и сѣна, которыхъ и всего то было съ небольшимъ на 75 р., возбудило между гласными гомерической хохотъ, а деньги всетаки были ассигнованы, т. е. утвержденъ расходъ, уже произведенный управой. За то уже безъ всякаго смѣха, а напротивъ съ самыми глубокомысленными фізіономіями было рѣшено учредить особую „наемную“ комиссію для обревизованія управскихъ отчетовъ; гласные выразились даже, что для этого дѣла можно не пожалѣть 2—3 тысячъ. Они забыли только одно, что повѣрка управскихъ отчетовъ лежитъ на личной обязанности гласныхъ, которую они никому передавать не могутъ, и что учрежденіе для этого наемной комиссіи, т. е. обращеніе всего дѣла на чисто канцелярскую почву, представляетъ верхъ искаженія правилъ городского положенія, т. е. такой фокусъ, увеселительнѣе котораго трудно что нибудь представить.

Красноярскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Въ 11 № „Сибирской Газеты“ была помѣщена корреспонденція изъ с. Погорѣльскаго Красноярскаго округа, рисующая непомѣрное отягощеніе крестьянъ сборами на внутреннюю повинность, въ томъ числѣ и на содержаніе земскихъ квартиръ съ прокормленіемъ чиновъ земской полиціи, вопреки издавнаго въ послѣднее время губернской властію циркуляра, воспрещающаго полицейскимъ чиновникамъ брать бесплатно съѣстные продукты отъ держателей квартиръ, причемъ даже издана такса на всѣ жизненные припасы, согласно которой чиновникъ полиціи и обязанъ удовлетворять квартирныхъ хозяевъ за свое прокормленіе. Мѣра эта сама по себѣ не представляетъ ничего новаго, такъ какъ десять лѣтъ тому назадъ генераль-губернаторъ Синельниковъ издавалъ такіе же циркуляры, возбранявшіе даже всякій сборъ на содержаніе земскихъ квартиръ; но, какъ извѣстно, при существующихъ у насъ порядкахъ, никакая мѣра со стороны начальства, направленная къ поднятію экономическаго и нравственнаго уровня крестьянъ, не можетъ достигъ желаннаго результата вслѣдствіе неодолимаго антагонизма, противопоставляемаго полицейскимъ режимомъ *). Причину этого, конечно, приходится отыскивать исключительно въ нашемъ канцеляризмѣ, удовлетворяющемся изданіемъ того или другаго распоряженія и пасующимъ всякій разъ, какъ только распоряженію этому придется столкнуться съ первымъ хитро поставленнымъ вопросомъ. Приведенная выше корреспонденція изъ с. Погорѣльскаго иллюстрируетъ, на сколько

узко и безжизненно возбужденъ вопросъ о платѣ, собираемой съ крестьянъ на содержаніе земскихъ квартиръ, а между тѣмъ вопросъ этотъ одинъ изъ самыхъ насущныхъ, такъ какъ въ общей сложности повинность на „чиновныя“ квартиры въ Восточной Сибири едва ли не самая отяготительная, вырывающая изъ крестьянскаго экономическаго благосостоянія на худой конецъ до сотни тысячъ рублей ежегодно. Такъ погорѣловскій корреспондентъ констатируетъ, между прочимъ, что за содержаніе одной квартиры общество платитъ держателю Клепатской значительную сумму въ годъ 230 р., за которую она обязывается кормить засѣдателя и исправника... Почему допущено составленіе подобнаго приговора, почему губернское правленіе, утверждающее ежегодно расходъ на внутреннюю повинность, пропустило возвышенную плату, и вообще совмѣстимо ли самое допущеніе платы за содержаніе земской квартиры съ требованіями закона, указывающаго, что при отводѣ земскихъ квартиръ соблюдается между крестьянами очередь— на эти вопросы циркуляръ губернскаго начальства не даетъ разъясненія. Поэтому онъ и составляетъ только *ria desideria*: крестьянамъ нѣтъ никакого прибитка, а наши земскіе дѣятели считаютъ себя вправѣ игнорировать всѣ циркуляры и таксы на томъ основаніи, что возвышенная плата обществомъ за квартиру исключаетъ будто бы платежъ съ ихъ стороны.

А чего только не выносили прежде держатели земскихъ квартиръ? Брань и побои спяна—ничто въ сравненіи съ гамадрилскими требованіями кутящихъ, по повелѣнію которыхъ сельскіе десятники обходятъ село и доставляютъ къ ночи для безобразниковъ предметы благородной пассивы, превращающей земскую, установленную закономъ для служебныхъ дѣйствій, квартиру въ открытый притонъ *); начинается дикая оргія, невольными свидѣтелями которой бываютъ подчасъ и невинныя дѣвушки, дочери держателя квартиры, и его маленькія дѣти, не говоря уже о полномъ оскорбленіи его домашняго очага... Но, что всего важнѣе, сообщенія о подобныхъ дѣяніяхъ почти никогда не доходятъ до начальства и ускользаютъ отъ вниманія печати потому, что не имѣютъ прочной почвы доказательствъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ приходится основываться на разсказахъ очевидцевъ, а эти послѣдніе, когда дѣло коснется до формальнаго спроса, всегда остерегутся показать правду изъ опасенія мести со стороны разгнѣваннаго гамадрила. Поэтому мы пользуемся случаемъ, доставившимъ намъ возможность констатировать разъ и навсегда справедливость изложеннаго. Случай этотъ представляетъ прошеніе, поданное держательницею одной земской квартиры въ приведенномъ выше с. Погорѣльскомъ, красноярскою мѣщанкою Клепатскою губернатору, въ которомъ, описывая цѣлый рядъ походовъ земскаго засѣдателя 1 участка Красноярскаго округа г. И., Клепатская поясняетъ, что г. И., проживъ у нея 28 дней, ввелъ ее въ расходы на 60 рублей и въ заключеніе приказывалъ ей представить ему невинную дѣвушку не старѣе 17 лѣтъ; когда же она въ этомъ отказала, то г. И. отобралъ отъ нея квартиру и передалъ для содержанія другому лицу. По этому прошенію отъ г. И. потребовано объясненіе... не повлечетъ ли этотъ случай абсолютнаго упраздненія дорогихъ „земскихъ“ квартиръ?

*) Этотъ же своекорыстный антагонизмъ уничтожилъ въ 1873—1874 годахъ распоряженіе генераль-губернатора Синельникова, низводившее жалованье волостныхъ писарей къ уровню жалованья, получаемого волостными писарями во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. См. объ этомъ статью въ іюньскихъ номерахъ «Москов. Телеграфа», 1881 года. *Авт.*

*) Какъ на одну изъ причинъ возвышенной платы за земскія квартиры, мы должны указать именно на гамадрилскіе подвиги. Они слишкомъ извѣстны крестьянамъ и потому при рядѣ за квартиру съ обществомъ держатель открыто выставляетъ на видъ «безпокойство». Разсказы объ «общественной рубашкѣ» далеко не вымыселъ. Намъ приходилось видѣть въ «сальной книжкѣ» одного сельскаго старшины (такъ называются книжки, въ которыя записываются общественные расходы) запись подобнаго содержанія. *Авт.*

Томскъ (корреспонд. „Восточн. Обозр.“). Дѣятельность многихъ заводчиковъ и тузовъ въ Сибири заслуживаетъ вниманія. Въ одномъ губернскомъ городѣ проживаетъ, напримѣръ, ибкто И., онъ имѣетъ заводъ винокоренный, пивной, стеклодѣлательный, къ тому же золотопромышленникъ, въ обѣихъ половинахъ Сибири у него дѣла—денегъ надо много, а онѣ не всегда въ избыткѣ; приходится занимать, и вотъ какъ онъ расплачивается.

Занявъ у одного еврея В. 600 руб., разъ пять переписывалъ вексель, наконецъ еврейю наскучило переписывать, и онъ представилъ ко взысканію вексель. Предъявили И., онъ, не задумываясь, сказалъ что вексель уплоченъ—но еврей выкралъ его изъ конторы, а еврей у него въ конторѣ не служилъ. Полиція стала производить уголовнымъ порядкомъ слѣдствіе, но судъ по жалобѣ В. велѣлъ полиціи съ И. деньги взыскать и ему предоставилъ доказывать уплату гражданскимъ порядкомъ. И. пожаловался суду 2-й степени, но и судъ сказалъ тоже самое, деньги съ И. взыскать. Подаетъ И. прошеніе въ полицію, просить преслѣдовать В. какъ вора. Полиція не смотря на два рѣшенія суда, нарядила слѣдствіе, но слѣдователь призналъ невозможнымъ его производить, и представилъ дѣло для прекращенія въ полицію, но та строго предписала произвести слѣдствіе. Дѣло поступило къ другому слѣдователю, а между тѣмъ В. уѣхалъ въ Восточную Сибирь. Slѣдователь требуетъ выслать его, отобрать паспортъ и выдать проходной видъ. Отвѣчаютъ, что В. боленъ, слѣдователь телеграфируетъ: „отослать В. въ тюремную больницу и по излеченіи выслать по этапамъ“. Дѣлать нечего, В. больной прѣзжаетъ, увѣдомляетъ о прѣздѣ. Slѣдователь допрашиваетъ на дому и на другой день признаетъ его свободнымъ, а дѣло находитъ не подлежащимъ дальнѣйшему производству. На всѣ дѣйствія В. жаловался кому слѣдетъ, но это былъ гласъ вопіющій въ пустынѣ. Другой случай. И. далъ одному изъ своихъ служащихъ довѣренность на право кредита. Довѣренность засвидѣтельствована формально не была. Кредитъ сдѣланъ, пришло время уплатить, приступили ко взысканію. И., не задумываясь, отвѣчалъ, что довѣренность подложна, и что онъ ея никогда не давалъ и не подписывалъ. Дѣло вступило въ судъ. И., предчувствуя, что будетъ сдѣлано сличеніе руки; подаетъ въ судъ прошеніе, что довѣренность онъ дѣйствительно давалъ, а отрекся отъ нея потому, что вынужденъ былъ собирать платежи денегъ, которые требовали отъ него настоятельно кредиторы. Но въ концѣ всетаки платить денегъ не намѣренъ, потому что довѣренность не засвидѣтельствована. И вотъ такихъ случаевъ было немало.

Кузнецъ (корреспонд. „Восточн. Обозр.“). Чаше и чаще появляются въ газетахъ сообщенія о преобразованіяхъ по судебной части въ Сибири, отъ чего радостнѣе бьется сердце у людей, преданныхъ правдѣ, гуманности и законности въ этой отдаленной окраинѣ, ожидающихъ съ нетерпѣніемъ преобразованій для этого края. Кто жилъ въ Россіи, видя гласный судъ, потомъ перебрався въ Сибирь и живетъ въ ней подъ эгидой суда стараго, дореформеннаго, тому совершенно ясны преимущества перваго надъ послѣднимъ, изъ практики котораго приведемъ нѣсколько фактовъ. Такъ, одинъ богатый крестьянинъ, вдовый, имѣвшій у себя нѣсколько взрослыхъ женатыхъ сыновей, жившихъ съ нимъ въ отдѣлѣ, исчезъ и при розыскахъ сельскимъ старостомъ съ общественниками трупъ его былъ найденъ на пашнѣ зарытымъ въ бороздѣ; подозрѣніе въ убійствѣ пало на работника, который и сознался передъ волостными начальниками и обществомъ, что онъ убилъ старика—крестьянина, будучи подговоренъ къ тому сыновьями, желавшими поскорѣе завладѣть наслѣдствомъ своего отца. При производствѣ же формальнаго слѣдствія работникъ отперся отъ своего первоначальнаго показанія и судъ освободилъ его на основаніи 323 ст. XV т. 2 ч.

изд. 1857 г., такъ какъ въ этой статьѣ сказано, что признаніе, učinенное внѣ суда, считается недѣйствительнымъ. Затѣмъ, другой фактъ. Одна крестьянская дѣвушка, будучи выдана замужъ очень молодой и не вынося тягостей семейной крестьянской жизни, нѣсколько разъ бѣгала изъ семьи, но всякій разъ была возвращаема домой съ побоями, и, наконецъ, для избавленія себя отъ ужасной жизни и мужа, убила послѣдняго топоромъ на покосѣ; другая, будучи отдана за вдовца, у котораго была большая семья, и не въ силахъ переносить трудностей и страшныхъ побоевъ, тоже бѣгала нѣсколько разъ отъ мужа, но тоже была возвращаема обратно, и чтобъ какъ нибудь уйти отъ мужа, утопила пасынка. Обѣ эти крестьянки нашимъ формальнымъ судомъ были обвинены и понесли жестокое безъ всякаго смеченія наказаніе.—Всѣмъ очень понятно, какъ бы поступилъ въ данномъ случаѣ судъ гласный, судъ правый, милостивый и равный для всѣхъ. При всемъ томъ, слѣдствіе ведется безъ стряпчаго, почему все зависитъ отъ слѣдователя, т. е. обвинить или оправдать подсудимаго, а что такое наши слѣдователи, то это видно изъ № 9 „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, гдѣ незнаніе ими законовъ константировано самою губернской властью; присоедините ко всему этому полнѣйшую безгласность и картина будетъ полная. Все дѣлается въ угоду для кабатчиковъ, складчиковъ и золотопромышленниковъ, а не для закона. Да и то сказать, какъ не угодить этимъ господамъ, когда, имѣя репутацію честнаго человѣка, можно у нихъ занять денегъ, конечно безъ отдачи, поиграть съ ними въ стучолку, выигрывая каждый разъ порядочный кушъ, также можно купить у нихъ сторублевую вещь за рубль и т. д.

У насъ получено недавно извѣстіе съ одного пріиска, что на немъ, во время работъ въ разрѣзѣ, задавило отъ одного до двухъ человѣкъ рабочихъ, а по сообщенію другихъ—двадцать, но насколько это правда—навѣрное сказать не можемъ.

Бійскъ (коресп. „Вост. Обозр.“) Я уже сообщалъ о существованіи у насъ кѣлой системы злоупотребленій по отводу базарныхъ и ярмарочныхъ мѣстъ. Теперь можно съ увѣренностью сказать, что эта система не была личнымъ дѣломъ базарнаго старосты, а вытекала изъ порядковъ городской управы, можетъ, быть нарочно приспособленныхъ къ ней. Сказанное мною какъ нельзя болѣе подтверждаютъ эти незначительные листочки бумаги, замѣняющіе у насъ квитанціи во взносѣ городскихъ пошлинъ. Вотъ содержаніе ихъ: „Бійская Городская Управа. Ноября 00 дня 1882 года. № 00. Г. Бійскъ, Томской губерніи. Членъ Управы Дробининъ“. Въ этомъ документѣ свидѣтельствуется только, что г. Бійскъ Томской губерніи, и, конечно, напрасно искать въ немъ того, сколько принято подъ него денегъ. Этотъ секретъ можетъ быть открытъ лишь въ самой квитанціонной книгѣ, но въ такомъ случаѣ точность означенія въ ней суммы полученія лежитъ на добросовѣстности ведущаго запись поступающихъ суммъ*), а разъ у него не хватило добросовѣстности напечатать квитанціи въ желательномъ для плательщиковъ смыслѣ, то и въ другихъ случаяхъ мы вправѣ предполагать въ немъ отсутствіе этого необходимаго и важнаго достоинства.

Изъ Тюкалинскаго округа (корресп. „Восточн. Обозр.“). Въ Тюкалинскомъ округѣ, на извѣстномъ озерѣ Чаны существуетъ, такъ называемая, образцовая волость, и при ней имѣется, тоже „образцовый“ писарь, ибкій М. Этотъ писарь имѣетъ въ резиденціи волости торговую лавку, а по деревнямъ своего вѣ-

*) Предварительныя записки въ черновой всѣхъ поступающихъ суммъ ведутся казначеемъ управы, книга же по отводу базарныхъ мѣстъ только готовится управой и ведется старостой. *Авт.*

домства посылаетъ торговать своихъ приказчиковъ. Всякій торговецъ, ведущій дѣла съ крестьянами въ сибирской глуши, есть уже по большей части кулакъ и эксплуататоръ, и бѣдный мужикъ непременно находится у него въ болѣе или менѣе сильной кабалѣ. Сообразите теперь: на сколько процентовъ увеличивается эта кабала, если въ роли такого торговца является волостной писарь?.. Но и этого показалось мало чановскому „его почтенію“. Онъ фигурируетъ въ своемъ селѣ еще и въ качествѣ наемнаго земскаго ямщика за неслыханную здѣсь плату въ годъ: 1,800 рублей,—тогда какъ было нѣсколько человекъ крестьянъ, желавшихъ охотно взять земскую гоньбу за половину этой цѣны, но... захотѣлъ заняться этимъ дѣломъ писарь, и никто не посмѣлъ пикнуть, иначе плохо бы пришлось конкурренту, перехватившему у писаря лакомый кусокъ; волостное правленіе задавило бы его подводами. А теперь, когда ямщину держитъ писарь, правленіе, дирижируемое имъ, до того умѣренно на счетъ подводъ, что даже шлющихся толпами по волости бродягъ не ловятъ, чтобы не обременять писаря подводами для отправки арестантовъ куда слѣдуетъ.

Наконецъ, чановскій писарь получаетъ 1,800 рублей въ годъ жалованья, тогда какъ на эту должность легко можно найти хорошаго писаря и за 900 рублѣй, какъ это и есть въ Лузинской и другихъ волостяхъ. И вся эта денежная тяжесть падаетъ на бѣдный народъ въ такіе тяжелые, неурожайные годы, какъ нынѣшніе!.. И это только, такъ сказать, „законная“ денежная тягота, а если посчитать незаконную, т. е. взятки, даваемые писарю, — то каковъ выйдетъ итогъ!..

Описываемый писарь-эксплуататоръ въ другой уже разъ царить въ своей образцовой волости: нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ поблагод уществовалъ здѣсь, нажилъ и сошелъ со служебной сцены для спеціального занятія торговлею, уступивъ мѣсто своему родственнику, но, поссорившись съ послѣднимъ изъ-за одной соломенной вдовушки (доходило до выстрѣловъ изъ револьвера, о чемъ и донынѣ производится дѣло), сумѣлъ столкнуть своего противника съ писарскаго стула и снова возсѣлъ на немъ. За всѣ эти подвиги М. состоитъ попечителемъ мѣстной школы, для пользы которой ничего не дѣлаетъ, если не считать пустяковъ, пожертвованныхъ имъ когда то для бѣдныхъ учениковъ. Недавно нѣкоторые лица пытались выбрать М. въ председатели приходскаго попечительства, но дѣло почему то не выгорѣло, да и къ лучшему. Вотъ то былъ бы „образцовый“ попечитель прихода!.. Онъ не опекать бы его, а „допекалъ!“...

АМУРСКІЙ ВОПРОСЪ.

III.

Въ прошлой статьѣ мы кончили мнѣніемъ генераль-губернатора Восточной Сибири, признаваго основаніе генераль-губернаторства на Амурѣ лишнимъ.

Протестъ генераль-губернатора не остановилъ хода дѣла. Въ 1883 г. учреждено было особое совѣщаніе для обсужденія всѣхъ вопросовъ, относящихся къ Амурскому краю. Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта графа Баранова, состояло изъ министровъ: иностранныхъ дѣлъ, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и путей сообщенія; управлявшихъ министерствами: морскимъ и государственными имуществъ, государственнаго контролера, членовъ государственнаго совѣта, генераль-адъютанта Лесовскаго и

графа Игнатъева *); товарища министра иностранныхъ дѣлъ, начальника главнаго штаба, главнаго интенданта, начальника главнаго тюремнаго управленія, директора азіатскаго департамента и гофмейстера Струве. Кромѣ того, къ участию въ совѣщаніи приглашались: генераль-маіоръ Золотарева, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, бывшій повѣренный въ дѣлахъ въ Пекинѣ, г. Коляндеръ. Дѣлопроизводителемъ состоялъ генераль-маіоръ Петровъ, бывшій начальникъ штаба восточно-сибирскаго военнаго округа. На обсужденіе совѣщанія, между прочимъ, былъ переданъ и вопросъ о преобразованіи управленія Восточной Сибири, съ учрежденіемъ для Приамурскаго края самостоятельнаго административнаго и военнаго центра, „потребность коего выяснилась съ достаточною очевидностью какъ въ общихъ гражданскихъ и экономическихъ интересахъ, такъ и для военныхъ потребностей“.

Вопросъ этотъ разсматривался въ засѣданіи особаго совѣщанія 18 іюня 1883 г. При этомъ, вопреки возникшимъ въ то время слухамъ, вовсе не затрогивался вопросъ объ упраздненіи генераль-губернаторскаго управленія въ Иркутскѣ, такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ настаивало на сохраненіи этого управленія.

Особое совѣщаніе также нашло, что удовлетворительное управленіе Амурской территоріей изъ Иркутска, за 4,000 в., при тѣхъ важныхъ интересахъ, какіе она представляетъ для государства,—крайне затруднительно: для этого нужна сильная и самостоятельная власть на мѣстѣ. Совѣщаніе признало необходимымъ выдѣлить въ особое генераль-губернаторство весь Приамурскій край, включивъ въ него и Забайкальскую область, въ виду той связи, какая существуетъ между ними въ географическомъ, экономическомъ, военномъ и политическомъ отношеніяхъ. Совѣщаніе приняло также во вниманіе невозможность для одного лица удовлетворительнаго управленія Приморскою областью въ настоящемъ ея объемѣ, а также и то, что полуостровъ Камчатка и о. Сахалинъ, не смотря на свою важность, остаются нынѣ почти внѣ всякаго вліянія мѣстной администраціи, и что выдѣленіе Владивостока въ особое военное губернаторство, при тяготѣнн къ нему всего южно-уссурійскаго края, не обѣщаетъ существенныхъ результатовъ для его развитія, а перенесеніе центра управленія Приморской области изъ Николаевска въ Хабаровку оставило южно-уссурійскій край въ прежнемъ беззащитномъ положеніи. Руководствуясь этими соображеніями, особое совѣщаніе положило:

1) Образовать Приамурское генераль-губернаторство въ составѣ трехъ областей: Забайкальской (областной центръ Чита), Амурской (центръ Хабаровка) и Уссурійской (центръ Владивостокъ) и двухъ отдѣльныхъ управленій—на о. Сахалинѣ (центръ с. Александровское) и въ Камчаткѣ (центръ г. Петропавловскъ).

2) Признавъ въ принципѣ, что центромъ новаго генераль-губернаторства долженъ быть Благовѣщенскъ, предоставить окончательное рѣшеніе этого вопроса соглашенію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, съ тѣмъ, чтобы принята была во вниманіе большая или меньшая стоимость размѣщенія административныхъ органовъ въ различныхъ пунктахъ края.

3) Въ видахъ скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о переустройствѣ управленія Восточной Сибири, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ подлежащими министрами, проектировать штаты новыхъ генераль-губернаторствъ и выяснить расходъ, потребный на осуществленіе этого предположенія, съ такимъ расчетомъ, чтобы, по предварительномъ разсмотрѣнн этого дѣла совѣщаніемъ, представленіе по сему предмету могло быть внесено министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ въ началѣ сессіи текущаго (1883) года.

4) При разработкѣ проекта о новомъ административномъ

* Графъ Игнатъевъ, за выѣдомъ изъ Петербурга, въ занятіяхъ совѣщанія не участвовалъ. *Авт.*

управленіи Восточною Сибирью имѣть въ виду расширить власть губернаторовъ въ такой степени, чтобы предоставить имъ достаточную самостоятельность, сообразно съ характеромъ предстоящей имъ организаторской дѣятельности и мѣстными условіями, отличающимися большимъ разнообразіемъ.

Эти предположенія удостоены Высочайшаго одобренія и переданы, для дальнѣйшей разработки, подлежащимъ министрамъ.

При обсужденіи настоящаго вопроса въ совѣщаніи, съ мнѣніемъ большинства не согласился управляющій морскимъ министерствомъ. Онъ признавалъ нужнымъ выдѣлить изъ состава восточно-сибирскаго генераль-губернаторства одну только Приморскую область, съ административнымъ центромъ во Владивостокѣ. Только такая мѣра, по его мнѣнію, могла бы содѣйствовать быстрому развитію южно-уссурійскаго края, представляющаго для насъ наибольшую цѣнность. Выдѣлять же изъ Восточной Сибири Забайкалье, искони тяготѣвшее къ Иркутску, а чрезъ него и къ Москвѣ, значило бы искусственно создать преграду для скрѣпленія его съ ядромъ государства. Въ Иркутскѣ находится центръ всей промышленной и торговой дѣятельности Забайкалья; тамъ же группируются интересы золотопромышленности; связи же его съ Амурскимъ краемъ слабы и ничтожны. Отдѣленіе Забайкалья, вѣроятно, неблагоприятно отразилось бы и на ссыльно-каторжной части. Онъ находилъ также, что центромъ новаго генераль-губернаторства долженъ быть Владивостокъ, какъ средоточіе военно морской дѣятельности будущаго генераль-губернатора.

Относительно Забайкалья не нашель возможнымъ согласиться съ особымъ совѣщаніемъ и генераль-губернаторъ Восточной Сибири. Въ отчетѣ за 1882 г. онъ писалъ, что „предполагаемая реформа, въ общемъ смыслѣ весьма желательная, дѣйствительно удовлетворить общимъ государственнымъ интересамъ, но тяжело отзовется на самыхъ существенныхъ интересахъ огромнаго большинства населенія новаго генераль-губернаторства,—разумѣю Забайкалье... Образованіе отдѣльныхъ управленій въ Камчаткѣ и на о. Сахалинѣ, переводъ центра управленія Приморской области въ южно-уссурійскомъ краѣ, наконецъ выдѣленіе всего Пріамурскаго края въ особое генераль-губернаторство,—все это необходимо, совершенно согласуется съ многими представленіями и при затратѣ значительныхъ денежныхъ средствъ безспорно поведетъ къ самымъ благимъ послѣдствіямъ, особливо, если центръ генераль-губернаторства будетъ помѣщенъ во Владивостокѣ. Но включеніе въ составъ новаго генераль-губернаторства Забайкальской области значительно ослабитъ благоприятные результаты какъ въ смыслѣ государственномъ, такъ и въ интересахъ тамошняго населенія“. Управленіе Забайкальскою областью изъ Владивостока безусловно невысисимо. Находясь въ Благовѣщенскѣ, генераль-губернаторъ тоже два раза въ году будетъ отрѣзанъ отъ окраинъ, „находясь какъ бы въ оазисѣ, и притомъ имѣющимъ самое второстепенное значеніе“. вмѣстѣ съ организаторской дѣятельностью, на новаго генераль-губернатора ляжетъ всю свою тяжестью язва края,—которая, тоже какъ Сахалинъ и перчинскія каторжныя учрежденія отойдутъ въ его вѣдѣніе. „Надо быть на мѣстѣ, чтобы знать, какъ велики занятія генераль-губернатора по каторгѣ и какъ настоящая организація дѣла тяжела для мѣстныхъ центральныхъ властей“. Немало затрудненій представится также въ управленіи горными промыслами и кабинетскими имѣніями. Въ отношеніи сношеній съ Китаемъ Забайкалье не представляетъ никакихъ затрудненій; „во время же военныхъ дѣйствій составить отдѣльный театръ, связанный безусловно съ Иркутскомъ и лежащими за нимъ мѣстами по направленію къ Европейской Россіи, а не съ Амурскими областями“.

Таковы были возраженія г. генераль-губернатора съ общегосударственной точки зрѣнія. Съ точки же зрѣнія мѣстныхъ интересовъ онъ находилъ, что отъ включенія За-

байкальской области въ составъ Пріамурскаго генераль-губернаторства населеніе этой области понесетъ „невознаградимый ущербъ“. Забайкалье „отнюдь не тяготѣетъ къ Амuru, а весьма тѣсно связано съ Иркутскомъ и Москвою. Присоединеніе его къ Пріамурскому генераль-губернаторству отдастъ его въ руки иностранцевъ, которые наводнятъ весь край своими товарами, тѣмъ легче, что сама администрація новаго края, поневолѣ, за отсутствіемъ въ немъ интеллигенціи и предприимчивости, обратится къ содѣйствію чужеземныхъ торговцевъ. Ежели для пустынной и безлюдной приморской области представляются затрудненія быть управляемою изъ Иркутска, то чѣмъ выразится для многочисленнаго и богатаго населенія Забайкалья необходимость ожидать рѣшенія своихъ дѣлъ по телеграфу! Въ Забайкальѣ къ 1 января 1883 г. считалось 501,183 человекъ жителей; общественная и экономическая жизнь ихъ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и непрерывно встрѣчаетъ нужду въ содѣйствіи администраціи. Нынѣ всѣ подобные вопросы разрѣшаются весьма скоро; при необходимости же обращаться на Амуръ, съ которымъ Забайкалье не связано даже колесною дорогою, придется ждать отвѣта цѣлые мѣсяцы, а еще болѣе потребуются на рѣшеніе дѣлъ, зависящихъ отъ компетенціи столичныхъ властей. При вѣсти о подобномъ отторженіи Забайкалья отъ Восточной Сибири, тамъ слышатся голоса: „теперь пиши не пиши, а отвѣта не дожидайся“. Самое же Забайкалье не обладаетъ еще нынѣ тѣми правительственными и общественными учрежденіями, на которыя можно бы немедленно перенести часть обязанностей, лежащихъ нынѣ на генераль-губернаторѣ“.

Окончательный выводъ генераль-губернатора былъ тотъ, что „включеніе Забайкалья въ составъ Пріамурскаго генераль-губернаторства не принесетъ пользы Амурскимъ областямъ, крайне затруднитъ Пріамурскаго генераль-губернатора и весьма вредно отразится на интересахъ жителей этого края“.

(Окончаніе впереди).

В. Вагинъ.

ИНОРОДЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ СИБИРИ.

Недавно въ № 23 „Восточнаго Обозрѣнія“ мы помѣстили замѣтку о французской Кохинхинѣ, причемъ говорилось о благородной политикѣ Франціи по отношенію къ этой отдаленной ея колоніи на крайнемъ востокѣ Азии. Политика эта и способы отношенія къ инородцамъ наводнятъ на многія мысли о перемѣнѣ политики по отношенію къ нашимъ многочисленнымъ инородцамъ, замѣнь той боязливой и бесплодной, которой мы уже много лѣтъ держимся почти безъ измѣненія. Эта часть нашей государственной жизни остается совершенно неразработанной. Въ газетахъ, можетъ быть, и часто приходится наталкиваться на совѣты, какихъ правилъ держаться, но всѣ они одного свойства; рекомендуется обыкновенно политика противъ азіатовъ, разумѣя подъ послѣднимъ именемъ вѣроломную расу, испорченную азіатскимъ деспотизмомъ и въ милости и гуманности выдающую только слабость власти. Уже одно то, что политика эта рекомендуется повсюду—и на Кавказѣ, и въ Туркестанѣ, и въ Киргизской степи, и на Амурѣ, свидѣтельствуетъ, что она—ложная политика. Какъ будто племена, населяющія Азію, одни и тѣ же, одной расы, одной вѣры, одинаковаго общественнаго развитія и политическаго воспитанія, жившія подъ одними и тѣми же условіями и учрежденіями. Что есть общаго между жителями горныхъ ущелій Кавказа и, напримѣръ, киргизской ордой, состоящей изъ

мирныхъ пастуховъ, или бурятскимъ народомъ, не говоря уже объ остякахъ и тому подобныхъ сѣверныхъ инородцахъ?

Кавказъ причисляется къ Азіи, по крайней мѣрѣ здѣсь преимущественно, до завоеванія Туркестана, ковалась и шлифовалась наша азіатская политика; но что же въ немъ типически азіатскаго? Языки кавказскіе, правда, не арійскіе, но отчего же тогда къ Баскамъ, съ языкомъ которыхъ сходенъ одинъ изъ языковъ кавказскихъ, французы не примѣняютъ азіатской политики? Раса? Но развѣ кавказскіе горцы не считаются красивѣйшими представителями индоевропейскаго племени? Развѣ не здѣсь русскіе поэты находили краски, чтобы создавать гигантскіе образы сильнаго человѣческаго духа? И не скорѣе ли было видѣть слѣды испорченности отъ деспотіи въ русскомъ крестьянствѣ, жившемъ нѣсколько столѣтій подъ крѣпостнымъ правомъ? Или взять киргизскій народъ? Откуда тутъ могутъ взяться нравы, воспитанные деспотіей, когда этотъ народъ никогда не видѣлъ надъ собой никакой власти? Въ прошломъ столѣтіи киргизскій ханъ Аблай, на просьбы комендантовъ русскихъ пограничныхъ крѣпостей унять разбойничающихъ батырей, отвѣчалъ жалобами, что батыри плохо его слушаются, въ свою очередь просилъ комендантовъ наказывать своими силами неспокойныхъ батырей и разсчитывалъ только при помощи русскихъ комендантовъ усилить свою ханскую власть. Киргизы жили на полной свободѣ, скоплялись около любимыхъ батырей и биевъ и по личному капризу оставляли ихъ и переходили къ другому.

Батыри и бии своимъ возвышеніемъ были обязаны исключительно своимъ личнымъ качествамъ, точно также и султаны, будучи сословіемъ потомственнымъ, становились правителями поколѣній только по приглашенію, и подъ рукою умнаго султана толпились тысячи, а султанъ, не отличавшійся способностями, оставался безъ управляемыхъ.

А что сказать объ инородцахъ Сибири, гдѣ, кромѣ небольшой территоріи древняго Кучумова царства, нигдѣ не было никакой организованной власти и гдѣ жили только тихіе звѣроловы и рыболовы? Вопросъ этотъ заслуживаетъ подробнаго разсмотрѣнія; у насъ же, кажется, кромѣ статьи покойнаго г. Григорьева о томъ, какъ намъ смотрѣть на кочевниковъ Средней Азіи, не было посвящено ему ни одного литературнаго труда. Что же касается до этого писателя, то не думаемъ, чтобы за его знаменемъ можно было сейчасъ же двинуться безъ разсужденій и оговорокъ. Покойный ориенталистъ, конечно, зналъ азіатцевъ, такъ какъ управлялъ киргизами въ теченіе многихъ лѣтъ, но что онъ зналъ въ нихъ? что преимущественно изучилъ въ нихъ? вотъ вопросъ. При изслѣдованіи инородческой среды важнѣе, чѣмъ во всякой другой средѣ, проникнуть духъ народа, узнать его живую душу, изучить нравы, обычаи и міросозерцаніе этого народа, воспитанное вѣками. Необходимо въ инородцѣ видѣть человѣка, полюбить его, а не видѣть въ немъ одного варвара. На эту точку зрѣнія не могъ стать ни прежній завоеватель, ни торговецъ, ни бюрократъ-чиновникъ, занятый внѣшними регламентаторско-административными проектами. Если вы отправляетесь проповѣдывать слово Божіе къ дикарямъ, вы, конечно, посовѣтуетесь съ торгашемъ, ведущимъ съ нимъ дѣла, и разузнаете отъ него, какія у нихъ права и какіе они имѣютъ пороки, но не поручите ему составить программу вашей дѣятельности среди нихъ.

Полагаемъ, что читателю не безынтересно будетъ, если мы по памяти соберемъ нѣсколько фактовъ изъ бѣднаго прошлаго этого вопроса. Начнемъ съ Бурятъ. Въ нихъ мы имѣемъ значительный народъ, говорящій однимъ языкомъ и исповѣдующій одну вѣру съ сосѣднимъ многочисленнымъ монгольскимъ народомъ, занимающимъ громадную территорію. Если бы мы въ состояніи были переменить свою боязливую политику на болѣе смѣлую, мы бы устроили болѣе правильную систему народнаго образованія; черезъ двадцать лѣтъ мы имѣли бы армію учителей изъ бурятъ и трехъ, четырехъ человекъ, можетъ быть, удалось бы провести черезъ гимназію и университетъ. И такъ постепенно въ средѣ бурятъ возникла бы небольшая интеллигенція, началось бы изученіе исторіи, древняго, общественнаго и религіознаго быта, наконецъ, современныхъ нуждъ народа и проч. Свѣтъ этого умственнаго возрожденія долженъ неперемѣнно проникнуть и въ сосѣднюю Монголію; начались бы поѣздки образованныхъ или даже ученыхъ бурятъ въ предѣлы Китайской имперіи. Такимъ образомъ мы приобрѣли бы духовное вліяніе на Монголію.

Въ 1860 годахъ появилась была живая струя въ бурятскомъ вопросѣ, заговорили объ учрежденіи школъ въ бурятскихъ улусахъ, въ Иркутскѣ составилъ комитетъ для разсужденій объ этомъ дѣлѣ, подняли вопросъ о созданіи учебной литературы на бурятскомъ языкѣ, о избраніи нарѣчія для этой литературы, поручили одному природному буряту (Болдонову) переводить необходимыя классныя книги, и русскую книжку, изданную для народа, „О мірозданіи“ успѣли перевести и издать, но на этихъ бѣдныхъ начаткахъ дѣло и покончилось; новая политика была прекращена, старая, боязливая опять воцарилась, заведенныя школы, оставленныя безъ покровительства, позакрывались, и какіе же результаты достигнуты въ продолженіе прошедшихъ съ той поры 20 лѣтъ?

Свѣточи духовной жизни бурятскаго народа, какъ и прежде, горятъ къ югу отъ границъ съ Монголіей. Тамъ ихъ святины, тамъ ихъ храмы, чудеса ламайской архитектуры и скульптуры; туда ѣдутъ поклонники изъ бурятскаго народа и туда направляются ихъ пожертвованія; оттуда идутъ къ нимъ книги, лекарства и оттуда къ нимъ пріѣзжаютъ учителя и медики. Сердце бурятъ привязывается къ заграничнымъ картинамъ болѣе, чѣмъ къ роднымъ, гдѣ они видятъ только запустѣніе и необходимость молчать и скрываться, потому что исповѣданіе ихъ соединено съ ограниченіями. Ламаиства не только затруднена постройка новыхъ дацановъ, но даже и исправленіе старыхъ. Буряты не имѣютъ права безъ разрѣшенія полиціи прибить новый карнизъ вмѣсто обваливагося стараго; самыя размѣры поправокъ ограничены—они могутъ сдѣлать въ теченіе года поправки въ дацанномъ зданіи только на сумму не свыше 200 р. Дацаны ветшаютъ; внутри ихъ не видать ни драгоцѣнностей, ни искусно сдѣланныхъ произведеній набожнаго трудолюбія; одинъ только хламъ. Само собой разумѣется, что духовныя очи набожнаго буряты обращаются на югъ, въ иностранное государство, гдѣ вѣра его процвѣтаетъ, гдѣ храмы имѣютъ блестящую внѣшность, гдѣ проявленія покорности ламайскимъ богамъ совершаются открыто. И, конечно, буряты не могутъ не сравнивать нашей политики въ отношеніи къ ламаиству съ политикой сосѣдняго государства. Въ то время, какъ китайцы предоставляютъ ламаиству полную свободу, мы стремимся все болѣе и болѣе явныхъ поклонниковъ будды превратить въ тайныхъ. И если

у бурятъ возникнетъ тайная организація для сбора подаяній на заграничныя монастыри и для поддержанія сношеній съ заграничными единовѣрцами и т. под., то за это мы должны винить нашу собственную политику.

(Продолженіе будетъ).

Г. II.

БѢГЛАЯ КАТОРЖНИЦА.

(Б ѣ л ь).

(Окончаніе).

III.

Сначала Варвара, сраженная смертью мужа, сильно горевала и убивалась; но заботы о дѣтихъ, о хозяйствѣ, наконецъ, успокоили ее, и жизнь потекла снова скромно и тихо. Всѣ мысли принадлежали дѣтямъ.

Но вотъ годъ спустя послѣ смерти мужа Варвара встрѣтилась съ предметомъ своей первой любви, котораго не видала съ самаго замужества своего. Варвара испугалась чувства, возбужденнаго въ ней этимъ неожиданнымъ свиданіемъ. Красивый Зулинъ — такъ звали заводскаго парня — мигомъ расчиталъ всю выгоду, которую могъ извлечь изъ женитьбы на богатой молодой вдовѣ. Онъ былъ бѣденъ, любилъ погулять во всю русскую ширь, умѣлъ увлекать женщинъ не только своею красотою и молодцоватостью, но и пѣніемъ, которымъ прославился во всемъ округѣ.

Послѣ долгой борьбы съ охватившею ее страстью, Варвара отдалась ей вполне и, заглушивъ голосъ разсудка и материнской любви, подъ обаяніемъ жгучихъ ласкъ и обманчивыхъ клятвъ, согласилась выйдти замужъ за Зулина. Наканунѣ свадьбы она сказала ему: „не клянись мнѣ, что будешь любить меня, поклянись только, что не будешь обижать дѣтей“. Онъ три раза поклялся ей въ этомъ, цѣлуя крестъ и икону, которые она вынула изъ своего кіота.

Когда Варвару повезли въ церковь, она вдругъ очнулась. Что она дѣлаетъ? Кому отдала судьбу свою и дѣтей? Внезапно она поняла, что поступаетъ безумно. Ей стало страшно. Какъ въ туманѣ входитъ она въ церковь блѣдная, почти безъ чувствъ. „Нѣтъ, я откажусь, подъ вѣнцемъ откажусь“, думаетъ она; но въ это время подходитъ къ ней женихъ, ласково смотритъ ей въ глаза, и она все забываетъ, покорятся, сознаетъ, что союзъ рѣшенъ роковой судьбою.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упоенія и счастья Варвара стала замѣчать безразсудную расточительность мужа. Раза два приходилъ онъ домой нетрезвымъ, но упреки замирали на губахъ у нея, когда страстно любимый мужъ ласками, просьбами, обѣщаніями обезоруживалъ ея гнѣвъ.

Сначала молодые жили, по желанью свекра Варвары, вмѣстѣ съ стариками. Обидно было родителямъ, что сноха такъ скоро забыла ихъ сына. Долго они ее отговаривали отъ замужества, убѣждали, стращали, что отнимутъ дѣтей, но когда дѣло было совершено, они старались удержать сноху съ своимъ домѣ, чтобъ не разставаться съ дѣтьми. Черезъ годъ, однако, послѣ свадьбы Зулинъ настоялъ на переселеніи въ уѣздный городъ, гдѣ былъ заводъ, къ которому онъ былъ приписанъ и который находился въ одной верстѣ отъ деревни. Снова явилась борьба и снова страсть одержала верхъ надъ разсудкомъ. Варвара во всемъ уступала мужу. Переѣхавъ въ

городъ, молодые купили себѣ домикъ, убрали его очень удобно, но невесело жилось въ немъ Варварѣ. Мужъ сталъ чаще и чаще загуливать, вымогалъ у нея деньги и началъ обращаться съ ней дерзко и грубо.

Прошелъ еще годъ. Варвара видѣла съ ужасомъ, какъ мужъ расточалъ ея состояніе и все сильнѣе предавался кутежу. Потомъ явилась ревность со всѣми ея муками, безполезными сценами и упреками, со всѣмъ униженіемъ обманутаго женскаго чувства. Поняла Варвара, что погубила себя. Одно у нея осталось—это дѣти. Сильнѣе прежняго она къ нимъ привязалась и махнула рукой на мужа, рада была, когда его не бывало дома, когда онъ оставлялъ ее въ покоѣ. Но Зулинъ, видя это, чтобъ разозлить жену, сталъ сначала дразнить дѣтей, потомъ и бить ихъ, а когда мать за нихъ заступалась, то билъ и ее безопадно.

Тогда то Варвара бросила мужа и переѣхала съ дѣтьми къ свекру. Зулинъ прокутилъ и пропилъ все ею оставленное, пропилъ домъ, купленный на ея имя и сталъ требовать, чтобъ жена къ нему вернулась. Не добившись этого, онъ самъ къ ней поѣхалъ и, на-зло ей, поселился въ деревнѣ.

Однажды пьяный, раздраженный отказомъ Варвары дать ему денегъ, онъ схватилъ ея сына за волосы и со словами: „убью его, если не дашь сейчасъ денегъ“ бросилъ ребенка объ полъ. Варвара кинулась къ сыну, который лежалъ безъ чувствъ. Вообразивъ, что онъ умеръ, она побѣжала въ кухню, схватила топоръ, и когда вернулась въ комнату, мужъ наклонился надъ мальчикомъ. Злобно и притаивъ дыханіе, подкралась она къ нему сзади и изъ всѣхъ силъ ударила его остриемъ топора по головѣ. Онъ повалился и на другой день умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Варвару связали, судили, наказали и сослали въ каторгу. Дѣти остались у стариковъ. Тоска по дѣтямъ, хуже всякихъ другихъ наказаній, истомила душу убійцы.

IV.

Въ каторжномъ острогѣ Варвара отличалась тихимъ поведеніемъ. Старикъ смотритель и жена его полюбили ее, старались облегчить ея участь, утѣшали ее, испросили позволеніе, въ виду ея слабаго здоровья, замѣнить ей работу въ рудникахъ службой на кухнѣ.

Она не могла, однако, перенести разлуку съ дѣтьми и рѣшилась бѣжать. Жизнь бѣглыхъ такъ ужасна, что удивительно, какъ могла слабая женщина перенести такую пытку и, послѣ двухъ лѣтъ скитанья, добраться до села, гдѣ жили ея дѣти. Но и тамъ она должна была скрываться въ лѣсу, изъ страха быть узанною и арестованною, и только по ночамъ прокрадывалась она въ деревню и по цѣлымъ часамъ стояла подъ окнами своего свекра, чтобы хотя мелькомъ взглянуть на дѣтей. Разъ она рѣшилась, постучавъ въ окно, попросить милостыни. Старуха—свекровь ея, выглянувъ въ окно и увидя тамъ женщину, едва державшуюся на ногахъ, выслала внука подать странницѣ мелкую монету и краюху хлѣба.

Когда статный, хорошенькій мальчикъ вышелъ на крыльцо и, робко подзвавъ къ себѣ Варвару, протянулъ къ ней руку съ подаваніемъ, несчастная женщина не выдержала, бросилась къ ребенку и, рыдая, покрывала страстными поцѣлуями его руки, плечи, щеки, ноги. Испуганный мальчикъ вырвался

изъ ея объятій и вбѣжалъ въ домъ. Варвара кинулась за нимъ, какъ безумная, и, упавъ, билась головой объ полъ комнаты и, рыдая, звала дѣтей. На шумъ пришла свекровь и ужасно испугалась при видѣ Варвары. Торопливо спрятала она ее въ свою спальню, убѣждая ее замолчать, чтобъ не сбѣжались работники и, заперевъ за собой дверь, пошла къ мужу сообщить о появленіи въ ихъ домѣ снохи.

Старики были сильно озадачены. Жестоко казалось имъ выдать несчастную женщину полиціи, но и скрывать ее у себя они опасались. Работники, сосѣди, могли ее узнать и проговориться, и имъ не избѣжать бы суда за то, что дали пріютъ бѣглой каторжницѣ. Старикъ, однако, пошелъ къ снохѣ и, когда она повалилась ему въ ноги, онъ прослезился, поднялъ ее со словами: „Богъ тебѣ судья, а не мы“. Онъ позвалъ къ ней дѣтей, не говоря имъ, что это ихъ мать. Дѣвочка узнала Варвару, но и она, и братья ее робко принимали ее поцѣлуи, не отталкивали ее, но и не отзывались на ея ласки. „Вотъ, рассказывала Варвара, тутъ то Богъ меня и казнилъ. Не каторгой, не принятой мукой, не голодомъ, не скитаньемъ въ тайгѣ была я наказана. Это все было легче перенести, а дѣти меня наказали за мой грѣхъ“.

Проживъ нѣсколько дней у стариковъ, Варвара, боясь ввести ихъ въ бѣду, рѣшилась уйдти, отдаться въ руки правосудія, такъ какъ жить безъ вида, безъ пристанища, скрываясь отъ полиціи, не было никакой возможности. Но она требовала отъ родныхъ, чтобъ съ ней отпустили дѣтей, на что старики, конечно, не согласились. Варвара умоляла, валилась въ ноги у нихъ, но добиться ничего не могла. Такъ и ушла она въ надеждѣ, что ей, какъ матери, отдадутъ дѣтей и перешлютъ ихъ къ ней, по этапу, въ Восточную Сибирь, гдѣ она надѣялась пристроить ихъ. Слышала она отъ

кого-то въ острогѣ, что въ этомъ ей, по закону, не имѣютъ права отказать.

Явившись въ полицію въ уѣздномъ городѣ, она назвала себя. Послѣдовалъ арестъ и судъ. Варвара приговорена была къ возвращенію въ каторгу на удвоенный за побѣгъ срокъ.

Напрасно я старалась убѣдить Варвару, какъ мучительно было бы дѣтямъ идти за нею по этапу, какъ они страдали бы отъ переменъ обстановки, какъ ихъ погубить арестантская среда. Она твердила свое: дѣтямъ лучше всего у матери, и слышать не хотѣла никакихъ доводовъ, тупо, упорно повторяя все то же и съ каждымъ днемъ теряя надежду на свиданіе съ дѣтьми, она становилась угрюмѣе, молчаливѣе. Она видимо таяла, лицо ея осунулось, глаза впали.

Вскорѣ она была выписана изъ острога для отправленія въ Восточную Сибирь съ партією другихъ арестантовъ. Проѣзжая какъ-то мимо присутственныхъ мѣстъ, я увидѣла въ дворѣ этого зданія съ десятокъ телегъ, запряженныхъ тройками, около нихъ солдаты и партію арестантовъ, готовившихся въ путь. Между ними находились двѣ женщины, бывшія въ нашей тюрьмѣ и дѣлавшія мнѣ прощальные знаки, кланяясь и показывая, что сейчасъ уйдутъ. Я вышла изъ экипажа, чтобъ проститься съ ними. Возлѣ нихъ стояла Варвара или, лучше сказать, тѣнь ея. До такой степени она похудѣла и переѣвилась за это время. Она еле взглянула на меня, но и въ этомъ бѣгломъ взглядѣ я могла прочесть озлобленіе и какъ будто упрекъ. Я подошла, чтобъ проститься съ нею, жалостно смотря на ея болѣзненное, страдальческое лицо. Она махнула рукой, проговорила слабымъ голосомъ: „теперь ужъ все равно умру“ и отвернулась отъ меня съ видомъ равнодушія. Предчувствіе ея оправдалось: черезъ нѣсколько недѣль я узнала, что Варвара умерла, не доѣхавъ до Иркутска.

В.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ СИБИРЯКА.

ПЕРВОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО.

Когда жизнь звучитъ своими грустными мелодіями, когда чувствуется тяжело, мрачно и какъ-то безнадежно, когда видишь только умирающія даровитыя силы, а на смѣну нейдетъ молодой титанъ, новая умственная сила, богатое дарованіе, напротивъ, видишь только сѣрую посредственность, — невольно воспоминанія влекутъ васъ къ прежнему времени, когда все было молодо, полно силъ, надежды и мечтаній, когда, можетъ быть, подъ влияніемъ собственной молодости все залито было яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всюду царил весна, иначе жило общество, иная была молодежь, историческая пора была иная. Впрочемъ, можетъ быть, все это была иллюзія, сонъ молодости и ничего въ сущности не было, ничего не переживалось? Можетъ быть, но къ этимъ воспоминаніямъ все-таки что-то инстинктивно влечетъ нашего брата, человѣка другаго поколѣнія. Вотъ на этомъ основаніи я восстанавливаю нить своихъ воспоминаній о товарищахъ и первой группировкѣ нашихъ земляковъ въ Петербургѣ. Я прервалъ эти воспоминанія, когда П* дѣлился со мной мыслью сгруппировать сибиряковъ въ Петербургѣ и направить ихъ занятія на пользу родины.

Въ бесѣдахъ съ П*. я не только сходилъ, но увлекался его умомъ, его планами, и онъ былъ для меня первымъ менторомъ, наставникомъ; онъ же опредѣлилъ мое призваніе. Я фанатически послѣдовалъ его патріотической идеѣ и мы начали развивать мысль среди товарищей о необходимости группированія. Всѣ охотно раздѣляли эту мысль—иные сознательно, иные инстинктивно.

Идея соединиться сибирякамъ въ Петербургѣ и перезнакомиться привлекала своею новизною и оригинальною. Я замѣчалъ, что вообще мои земляки чувствуютъ свою близость и родство только на чужбинѣ, но на родинѣ это весьма рѣдко даетъ себя чувствовать, развѣ только тогда, когда среди сибиряковъ является наѣзжій „человѣкъ“ и подзадоритъ ихъ, ругая Сибирь. Въ Петербургѣ картина сближенія разныхъ представителей окраины имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное. Не мудрено, что томичъ льнетъ къ томичу и иркутянинъ къ иркутянину, если они вдобавокъ воспитывались въ одной гимназій и купались одинаково въ холодныхъ водахъ Ангара или Оби;—но весьма любопытно было видѣть, какъ соединялись представитель Камчатки, якутъ, съ тоболякомъ,

забайкалецъ съ омскимъ казакомъ, бурята съ томичемъ и чувствовали, что у нихъ бьется одно сердце. П* употреблялъ старанія перезнакомить всѣхъ и навелъ всегда справки, нѣтъ ли въ какомъ учебномъ заведеніи еще земляковъ.

Сближеніе началось. Наконецъ, мы устроили сибирское собраніе въ какой то большой студенческой квартирѣ. Я помогаль П* со всѣмъ стараніемъ. Мы ждали, какой результатъ будетъ имѣть это сближеніе. Сходка вышла шумная и оживленная, какъ всегда бывають студенческія собранія; въ ней трудно было, однако, уже не замѣтить земляческихъ симпатій, хотя все это было крайне хаотично, нескладно и за шумомъ и разнообразіемъ знакомствъ трудно было что нибудь разобрать. Собиралось, помнится, человѣкъ 20. На этой сходкѣ я видѣлъ бурята Пирожкова, деликатную и уже интеллигентную личность, джентльмена въ цилиндрѣ, но съ бурятскимъ лицомъ; онъ изучалъ Гегеля и интересовался философійю,—какъ посвятилъ меня П*; здѣсь я познакомился съ И. В. Федоровымъ-Омулевскимъ, веселымъ, розовымъ юношей, съ золотыми кудрями до плечъ, въ художническомъ бархатномъ сюртукѣ, здѣсь присутствовалъ симпатичный юристъ Н. М. П., съ рафаелевской головкой, цѣлая группа казанскихъ буршей шумѣла съ своею необузданною веселостью; привычки воспитаннаго петербургскаго дендизма мѣшались съ студенческой развязностью и иногда неуклюжестью семинариста. Среди сибиряковъ въ первый разъ были и не—сибиряки—знакомый П*, товарищъ студентовъ, незабвенный художникъ Джогинъ, артистъ-художникъ въ душѣ, выступавшій съ талантливыми пейзажами; не помню, былъ ли здѣсь И. И. Шишкинъ, тоже нашъ знакомый; наконецъ, присутствовалъ какой-то филологъ Смирновъ.

Студенческія сходки въ то время въ Петербургѣ были не рѣдкость. Университетъ и столица этой эпохи представляли своеобразный, можетъ быть, исключительный видъ. Литераторы и студенты пользовались особою симпатіей: это были герои дня. Къ университету подѣзжали блестящіе экипажи аристократовъ, жаждавшихъ послушать знаменитаго профессора. Аристократическая дама и гусаръ не гнушались аудиторіи.

Неподдѣльный энтузіазмъ юношей выражался на лекціяхъ. Я помню лекціи Н. И. Костомарова и другихъ любимыхъ профессоровъ, почти публичныя. Университетскій залъ потрясался отъ восторга слушателей, юношей охватывалъ трепетъ. Они испытывали то, что испытывали люди подъ первымъ обаяніемъ ораторовъ, мыслителей, проповѣдниковъ истины и науки. Не знаю, повторялось ли это впоследствии. Литература была также любимцею публики. Журналы и журнальныя статьи играли огромную роль и расхватывались по выходѣ. Читатель глоталъ ежедневно газеты съ жадностью, какъ чашку кофе послѣ моціона. Новости дня пробѣгали электрическими искрами по Петербургу. Въ публикѣ на общественныхъ собраніяхъ искали глазами извѣстныхъ писателей и талантовъ. Быть литераторомъ было завидно, ни одно пятно еще не безславало литераторскую тогу. Самъ литераторъ высоко держалъ голову. Когда совершались похороны артиста, какъ Мартынова или Бозію, видно было, что это было торжество и время поклоненія интеллигенціи. Диспуты въ пассажѣ и въ университетѣ по общественнымъ и ученымъ вопросамъ будили и привлекали общественное

вниманіе. Все жило въ Россіи въ ожиданіи великой реформы, иначе дышалось, иначе чувствовалось. Когда общественный пульсъ такъ высоко былъ поднятъ, не могла не раздѣлится той же жизни восприимчивая молодежь. Студенческая группировка тогда не была рѣдкостью, какъ и студенческіе кружки.

Но если всѣ русскіе люди были настроены на общественные вопросы, то не могли не почувствовать этихъ вопросовъ и отдѣльныя группы, а въ томъ числѣ и окраинцы. Группировка по землячествамъ отражала тотъ бытовой строй Россіи, тѣ разнообразныя интересы, которые лежатъ въ историческомъ и этнографическомъ строѣ. Давно уже эту историко-этнографическую связь сознавали малороссы, кавказцы, и т. д.; наступило время сознать эту связь и представителямъ восточной окраины. Замѣчательно, что этотъ ручеекъ мѣстныхъ стремленій и симпатій пробивался въ то время, когда русская жизнь кипѣла общими вопросами и была болѣе космополитична, чѣмъ когда либо. Но это будетъ понятно тому, кто знакомъ съ исторіей общественнаго пробужденія. Въ моментъ жизни всѣ части организма даютъ себя чувствовать и весной всѣ ручьи оттаивають.

Наше собраніе было первымъ свиданіемъ сибиряковъ. На этомъ вечерѣ не было ни подготовленныхъ заранѣе искусственно вопросовъ, ни организованныхъ словопреній и рѣчей, все носило товарищески-семейный характеръ. Въ концѣ, послѣ первыхъ знакомствъ и шумныхъ земляческихъ изліяній невольно выступилъ вопросъ о поддержаніи сношеній между земляками, а также о продолженіи собраній; подобная мысль, конечно, была единодушно принята, но затѣмъ выступилъ и другой вопросъ, дѣлать ли эти вечера доступными и для не—сибиряковъ, допускать ли другихъ лицъ, или собранія сдѣлать только чисто сибирскими, земляческими? Вопросъ этотъ выплывшій внезапно и неожиданно, какъ всегда у юношей, сейчасъ же получилъ нѣсколько рѣшительный и страстный отгѣнокъ. Присутствующіе, и даже большинство, высказались за то, чтобы собранія были чисто земляческими, а постороннія лица сюда не были бы приглашаемы; этотъ эпизодъ поставилъ въ конфузливое положеніе присутствовавшихъ на первомъ собраніи гостей. Вышло, какъ будто бы, сначала ихъ пригласивъ, потомъ выключили, но эта неловкость была смягчена юношескимъ добродушіемъ и откровенностью. Былъ и другой эпизодъ—въ собраніи выплылъ между прочимъ и вопросъ хозяйственный. На собраніяхъ предполагался чай, наконецъ нужна была помѣстительная квартира. Вопросъ о квартирѣ вырѣшился тѣмъ, что положили дѣлать студенческіе вечера по очереди; что касается вопроса объ угощеніи, то онъ, отъ несоразмѣрной важности, получилъ внезапно комическое направленіе. Онъ былъ сведенъ къ вопросу, дѣлать ли вечера съ закуской и пивомъ или безъ закуски съ однимъ чаемъ? Зная студенческіе нравы и юношескіе темпераменты, нѣкоторые здѣсь увидѣли вопросъ немаловажный для будущности собраній. Лица, стоявшія за интеллигентный характеръ собраній, рѣшительно протестовали противъ закусокъ, водки и пива, но они оказались въ меньшинствѣ и могли отвоевать, какъ всегда, у радикальной партіи, сохранившей въ данномъ случаѣ наслѣдственные пиршескіе инстинкты своей родины, нѣкоторый компромиссъ, а именно, если уже допускать закуски и возліянія, то по крайней мѣрѣ въ концѣ собраній послѣ 11 часовъ. Помню, мы немало потѣшались надъ простодушнымъ

Омулевскимъ, который употребилъ немало діалектики, доказывая, что послѣ долгихъ патріотическихъ разговоровъ у него можетъ въ глоткѣ пересохнуть.

Этотъ комическій эпизодъ на сибирскомъ собраніи далъ впоследствии пищу рассказамъ и достигъ литературныхъ сферъ, причемъ, говорятъ, вліятельный журналистъ Ч. много смѣялся надъ характеромъ выступившаго вопроса.

Въ концѣ мы всетаки собраніемъ остались довольны; начало было сдѣлано, оставалось поддержать связи. Дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ другой и третій вечеръ, причемъ иностранецъ художникъ Джогинъ предложилъ патріотической партіи даже свою гостепріимную космополитическую квартиру. Кто то на собраніи непременно пожелалъ „пельменей“ и пельмени были сдѣланы, а И. В. Федоровъ—Омулевскій написалъ къ нимъ шутовское стихотвореніе. Сходки заканчивались веселымъ пѣніемъ студенческихъ пѣсенъ, которыя продолжались нерѣдко и на улицѣ при возвращеніи на квартиры, причемъ Васильевскіе бутари только слегка качали головой и грозили шутивно пальцемъ. Времена были патріархальныя, мировыхъ не было, а сердца бутарей тоже пребывали умягченными, можетъ быть, благодаря весеннему сезону общественной жизни. Сермяжная брони улыбалась юности.

Рѣшившись собраться, никто не спрашивалъ и не задавалъ вопроса: „зачѣмъ и для чего“? Этотъ вопросъ казался молчаливо зарѣшоннымъ „Земляки“ — стало быть какъ же не видѣться. Наиболѣе заинтересованные судьбою этого сближенія, однако, чувствовали потребность мысли, идеи и даже какой нибудь практической задачи; понемногу и они начали являться по не вдругъ, не сразу. Между сибиряками были люди неглупые и начинали думать о судьбѣ своей родины, ея интересахъ и будущей дѣятельности въ краѣ. Конечно, трудно было въ молодой студенческой средѣ явиться определеннымъ задачамъ и, сидя въ Петербургѣ еще на школьной скамьѣ, изобрѣтать практическое дѣло. Помню, однако, что на этихъ собраніяхъ впервые раздался вопросъ о значеніи въ краѣ университета и необходимости его для Сибири. Мысль эта всѣмъ пришла въ душу. Конечно, въ честь этого слѣдовали шумные брудершафты. Здѣсь же въ товарищескихъ разговорахъ развивалась мысль о необходимости подготовки къ будущей дѣятельности въ Сибири, о необходимости изучать край и читать о немъ сочиненія, явилась мысль составлять библиографію книгъ сибирскихъ, причемъ П* брался руководить этимъ дѣломъ, и я долго въ своей жизни хранилъ выписки изъ каталоговъ публичной бібліотеки, пока эти клочки не разнесъ вѣтеръ моей скитальческой жизни. Тотъ же П* совѣтовалъ издать календарь или памятную книжку и рекомендовалъ мнѣ быть издателямъ, причемъ я изъявилъ горячую готовность. Говорили о будущемъ журналѣ, газетѣ;—словомъ вопросы росли. Въ концѣ все соединилось на убѣжденіи и вѣрѣ, что нашей отдаленной окраинѣ предстоитъ блестящая будущность. Эта вѣра, это горделивое чувство самосознанія и убѣжденія въ томъ, что и мы члены социальной группы, дѣти страны, имѣющей исторію и будущность, поднимали духъ и нерѣдко исполняли насъ юношескаго восторга, заканчивавшагося горячимъ земляческимъ поцѣлуемъ.

Эта идея и мысль служить своему краю, любить его, отдать ему жизнь, бывшая источникомъ соединенія, не была вполне новою. Когда то тоболякъ поэтъ Ершовъ, какъ видно изъ его

біографіи, написанной Ярославцевымъ, также юношески клялся посвятить себя родинѣ, юношески мечталъ поднять ея величіе, онъ обмѣнялся съ какимъ то другомъ даже мистическимъ кольцомъ по этому поводу. У насъ таже мысль проснулась только рѣзче, определеннѣе и такъ сказать въ цѣлой группѣ лицъ. Конечно, многія изъ этихъ мечтаній не могли быть осуществлены; одни ихъ забыли, какъ и свои клятвы, другіе не дожили до осуществленія даже ничтожной части изъ своихъ юношескихъ ожиданій. Такъ всегда бываетъ! Но когда то въ жару юности все это казалось такъ осуществимымъ, такъ легко достижимымъ!

Собранія длились года два при мнѣ; временно они были прерваны небольшимъ эпизодомъ разлада, но мысль объ нихъ уже не умирала и группировка воскресла вдоль постѣ, хоти и подъ новой формой.

Въ тѣхъ собраніяхъ, о которыхъ вспоминаю я, сближеніе началось между лицами разныхъ учебныхъ заведеній и профессій. Здѣсь были медицинскіе студенты братья Ч., впоследствии медики, студенты университета, технологи, являлись студенты духовной академіи, художники, былъ военный и кадетъ горнаго института, который однако весьма скоро спасовалъ и написалъ намъ весьма трогательную исповѣдь о своемъ исключительномъ положеніи и о какихъ то аргусахъ своего заведенія, препятствующихъ ему быть вѣрнымъ сибирскому студенческому кружку. Знакомства однако все болѣе завязывались. Инициаторы собраній поддерживали ихъ. Рѣшились отыскать литераторовъ изъ сибиряковъ; тогда уже пріѣхалъ въ Петербургъ С. С. Пашковъ и начиналъ пописывать; вспомнили о старомъ студентѣ сибирякѣ Сидоровѣ, даровитомъ математикѣ.

Сидоровъ этотъ былъ товарищемъ Н. С. Щукина,—личность, выдававшаяся умомъ и характеромъ, очень образованный, но эксцентрическій, обнаружившій впоследствии подозрительность до болѣзненности и внесшій нѣкоторый разладъ. О немъ, однако, нельзя не вспомнить.

Сидоровъ былъ сначала въ педагогическомъ институтѣ, а потомъ въ университетѣ. Кончивъ курсъ, онъ по своему вспыльчивому характеру разбранился въ канцеляріи и ему стоило немало усилій получить дипломъ. Съ товарищемъ Щукинымъ онъ также разошелся. Самъ велъ жизнь одинокую, бѣдствовалъ въ Петербургѣ, много перенесъ и, какъ говорили, сталъ даже мистикомъ. Ни спеціальное образованіе, ни петербургская отчужденная жизнь однако не помѣшали ему любить страстно родину и даже мечтать о ней. Его *idée fixe* былъ сибирскій университетъ, которымъ онъ бредилъ и о которомъ писалъ; конечно, тогдашніе сибиряки не могли его игнорировать и сдѣлали ему приглашеніе.

Одно лицо только близко знало Сидорова и поддерживало съ нимъ связь—это буряты Пирожковъ. Будучи незлобнымъ философомъ, онъ отзывался о немъ, какъ о симпатичной личности, и говорилъ, что Сидоровъ былъ глубоко несчастенъ, иногда онъ видалъ его, обладавшаго терпѣливой, желѣзной натурой, рыдавшимъ, подобно ребенку отъ душевныхъ мукъ и неудачъ.

Я также познакомился съ Сидоровымъ, нашелъ его беззавѣтно любящимъ край, человекомъ очень начитаннымъ, образованнымъ, имѣвшимъ взгляды и убѣжденія, но съ перваго раза уже дала себя почувствовать въ немъ черта болѣзненнаго самолюбія и неуживчивости. Эта то черта еще болѣе об-

наружилась при его сближеніи съ нашимъ кружкомъ и чуть не была причиной его распадѣнія. Самолюбивый Сидоровъ увидѣлъ себя старше и выше головою окружающихъ юношей, ему захотѣлось повелѣвать, онъ потребовалъ себѣ чуть не диктатуры и, конечно, провалился. Внеся свою подозрительность и нетерпимость, онъ вытѣснилъ нѣкоторыхъ товарищей своею раздражительностью, а затѣмъ и самъ удалился. Этотъ неприятный эпизодъ, нѣсколько нарушившій товарищество, однако не былъ причиною распадѣнія землячества; оно еще продержалось нѣкоторое время; но отсутствіе практическаго дѣла и одна теоретичность, выражавшаяся въ надеждахъ и разговорахъ, не могли дать ему пищи и жизни. При томъ и въ столицѣ въ 1862 г. уже не было такого простора студенческимъ собраніямъ. Первый жаръ и впечатлѣнія этого сближенія исчезли и выступала прозаическая жизнь кружка, превратившая его въ обыкновенную буршескую корпорацію. Тѣмъ не менѣе мы не разъ собирались провожать своихъ товарищей и земляковъ, отправляя ихъ домой, на родину. Помню, что въ память нашего знакомства мы снялись группой и многіе долго хранили это воспоминаніе студенчества. Какъ бы то ни было, это первое сближеніе оставило свой слѣдъ на душѣ многихъ, оно воспоминалось не разъ въ жизни, можетъ быть нѣкоторые обязаны ему были сознательнымъ отношеніемъ въ своей дѣятельности на родинѣ.

Знаю, что значительная часть лицъ всетаки воротилась на родину, трудилась тамъ такъ или иначе, причѣмъ даже лица, отъ которыхъ не ожидали многого, участвовали въ разныхъ предпріятіяхъ, совершали торговыя экспедиціи, какъ, напр., благодущный казанецъ Лосевъ, служили медиками, учителями и т. д. Изъ этого же кружка вышли нѣкоторые писатели и патріоты *).

Иные изъ земляковъ затерялись и исчезли, волна не успѣла прибить ихъ къ родному берегу и море жизни унесло куда то. Гдѣ погибли они—Богъ вѣсть!

Тѣже, кто испыталъ счастье еще разъ увидѣть родину, тотъ не разъ вспомнить это дорогое время юности и землячскій кружокъ, гдѣ, какъ нѣжный цвѣтокъ, распустилась любовь къ землѣ своей и пробудились лучшія человѣческія стремленія и идеалы.

Н. Я.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Конференція по египетскимъ дѣламъ открылась въ Лондонѣ 28 іюня, въ три часа пополудни, въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ делегаты, не исключая и турецкаго уполномоченнаго, вѣчно опаздывающаго, были на лицо. Первое засѣданіе было посвящено предварительнымъ формальностямъ,—второе отложено до того времени, когда всѣ документы будутъ готовы. Между прочимъ, финансовый докладъ переводится на французскій языкъ. При конференціи учреждена подкомиссія изъ финансистовъ. Германскимъ посломъ получена инструкція отъ князя-Бисмарка, въ которой онъ ему предлагаетъ держаться на конференціи мѣрнѣи и рѣшеній великихъ державъ, въ отношеніи же долговъ Египта Бисмаркъ полагаетъ необходимымъ протестовать противъ всякихъ мѣръ, клонящихся къ уменьшенію процентовъ. Фран-

цузскій уполномоченный, пользуясь промежуткомъ времени между первымъ и вторымъ засѣданіями конференціи, выѣхалъ въ Парижъ для переговоровъ съ Жюлемъ Ферри.

— Итальянскому министерству нерѣдко приходится отбиваться отъ нападокъ на иностранную политику Депретиса-Манчини. Недавно депутатъ Криспи доказывалъ, что Манчини унижаетъ Италію, навязывая еѣ Германіи и Австріи въ роли союзницы, что Италія принижено идетъ на буксирѣ этихъ двухъ державъ, не желающихъ имѣть съ нею ничего общаго и, наконецъ, что Италія терпитъ оскорбленія и не вознаграждается ничѣмъ.

— Въ Египтѣ готовится грандіозный митингъ изъ туземцевъ и европейцевъ, имѣющихъ цѣлю опротестовать предлагаемыя британскимъ правительствомъ рѣшенія египетскаго вопроса. Слухи о выходѣ въ отставку нынѣшняго хедива, какъ и о замѣщеніи его Измаиломъ пашею пока смолкли. Гордонъ попрежнему запертъ въ Хартумѣ; губернаторъ Донголы оказался преданнымъ Магди; суданцы, вслѣдъ за взятіемъ Бербера, въ количествѣ 12,000 человекъ взяли Деббу и перебили 3,000 человекъ гарнизона и жителей. Здѣсь, какъ и въ Берберѣ, женщины и дѣти пощажены.

— У французовъ съ китайцами было нѣсколько сраженій по почину китайцевъ. Французское правительство дало ноту пекинскому двору, испрашивая разъясненія недоразумѣній. Китайское правительство отказывается признать соглашеніе, въ силу котораго очищеніе Лангсона, Шатке, Каобинга и Лаокао должно было состояться 26 іюня. Въ Тулонѣ появились слабые случаи холеры, умираетъ однако же по нѣскольку человекъ въ сутки.

— Въ голландскихъ газетахъ появилось сенсаціозное извѣстіе о беременности королевы Эммы и о преждевременности толковъ по вопросу о престолонаслѣдіи.

— Турецкое правительство, постоянно считавшее народонаселеніе приблизительно и никогда не производившее народной переписи, въ первый разъ сдѣлало распоряженіе о приведеніи въ извѣстность населенія Турціи. На прошедшей недѣлѣ султанъ издалъ два весьма существенныхъ ираде. Первымъ онъ изъявилъ согласіе на соединеніе балканскихъ желѣзныхъ дорогъ съ сербскими и австрійскими; вторымъ — всѣ турецкіе займы объединилъ въ одинъ государственный долгъ. Последнее совершилось въ силу конвенціи 1881 г., заключенной между турецкимъ правительствомъ и делегатами отъ владѣльцевъ турецкихъ облигацій. Прежнія долговныя свидѣтельства турецкой казны разныхъ наименованій и категорій замѣнены однородными облигаціями.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Государь Императоръ, какъ сообщаетъ „Варш. Дневн.“, по всеподданнѣйшему докладу управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ телеграммы варшавскаго генералъ-губернатора о бѣдствіяхъ, постигшихъ жителей Провислянскаго края отъ наводненія, причиненнаго разливомъ Вислы, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать 200,000 руб. на вспоможеніе пострадавшимъ отъ наводненія. вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Величеству благоугодно было приказать для раздачи пособій изъ этой суммы командировать свиты Его Величества генералъ-маіора Зурова.

— По словамъ телеграммы „Сѣв. Тел. Аг.“ изъ Варшавы отъ 23-го іюня, „Варшавскій Дневникъ“ сообщаетъ, что имъ получены свѣдѣнія о послѣдствіяхъ наводненія въ шести губерніяхъ здѣшняго края и о количествѣ причиненныхъ разливомъ Вислы убытковъ. Землевладѣльцами Радомской губерніи понесено убытковъ до 200,000 руб. Общее число нуждающихся въ пособіи около 25,000 человекъ.

— На основаніи Высочайшаго повелѣнія 79-го декабря 1849 г., студенты и воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключенные за участіе въ беспорядкахъ, не подлежатъ оставленію на жительствѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ они находились въ учебномъ заведеніи, за исключеніемъ лишь

*) О нашихъ писателяхъ того времени и ихъ дебютахъ мы поговоримъ особо.

воспитанниковъ, родители которыхъ проживаютъ въ означенныхъ городахъ. Между тѣмъ, изъ поступающихъ свѣдѣній видно, что мѣра эта не вездѣ правильно примѣняется, главнымъ образомъ потому, что исключенные студенты и воспитанники, при полученіи изъ учебныхъ заведеній на руки своихъ документовъ, легко могутъ уклоняться отъ этой мѣры. Поэтому, какъ сообщаетъ „Прав. Вѣст.“, нынѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы начальства университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній всѣ документы студентовъ и воспитанниковъ, исключаемыхъ изъ заведенія по означенной причинѣ, отнюдь не выдавали по принадлежности, а препровождали въ мѣстное полицейское управленіе.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаетъ „Эхо“, выработываются новыя правила о болѣе строгомъ подраздѣленіи арестантовъ. Правила эти будутъ касаться содержанія и пересылки лицъ, возвращающихся на родину и не совершившихъ уголовныхъ преступленій. Расходы по переселенію и содержанію семействъ лицъ, высылаемыхъ по приговору обществъ, будутъ возложены на эти общества.

— По словамъ „Русскаго Курьера“, на разсмотрѣніе г. министра народнаго просвѣщенія, статья-секретаря Делянова, вносится проектъ учрежденія въ волостяхъ библиотекъ изъ специальныхъ книгъ, предназначаемыхъ для народнаго чтенія и посвященныхъ преимущественно — какъ полезнымъ указаніямъ, касающимся обработки полей и скотоводства, такъ равно и объясненію выгодъ и способовъ производства такихъ ремеселъ и промысловъ, которые легко могутъ получить практическое примѣненіе въ средѣ крестьянства, при условіяхъ, среди которыхъ послѣднему приходится дѣйствовать.

— „Нов. Вр.“ сообщаетъ, что императорская академія наукъ ходатайствуетъ объ отпускѣ ей изъ государственнаго казначейства въ теченіе 3-хъ лѣтъ, начиная съ 1885 г., по 4,000 р. въ годъ, на расходы по розысканію и изданію въ свѣтъ архивныхъ документовъ XVI и XVII столѣтій.

— „Новое Время“ говоритъ, что въ нынѣшнемъ году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія сборъ за слушаніе лекцій въ университетахъ и плата за посѣщеніе гимназій учениками, по приблизительному разсчету дойдетъ до 2,200,000 рублей.

— При петербургскомъ университетѣ, какъ сообщаютъ „Русск. Вѣд.“, предполагается учрежденіе медицинскаго факультета.

— „Новостямъ“ сообщаютъ, что нѣсколькими профессорами, въ іюль мѣсяцѣ, предполагается открыть въ Михайловскомъ манежѣ въ С.-Петербургѣ рядъ народныхъ публичныхъ лекцій, сборъ съ которыхъ предназначается на образованіе фонда женскихъ врачебныхъ курсовъ.

— 23 іюня въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства, опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго совѣта объ усиленіи надзора за учебными заведеніями Восточной Сибири.

— Изъ вполне достоверныхъ источниковъ „Рус. Кур.“ слышалъ, что приостановившаяся въ прошломъ году „Московская Газета“, издававшаяся подъ редакторствомъ Д. М. Погодина, въ непродолжительномъ времени снова начнетъ выходить въ свѣтъ при ближайшемъ участіи въ ней О. Н. Плевако. Остановка въ настоящее время лишь за официальнымъ утвержденіемъ О. Н. Плевако въ качествѣ издателя этой газеты.

— Распоряженіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 19-го іюня 1884 года. Принимая во вниманіе, что въ № 25 газеты „Недѣля“, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Знаменательный юбилей“ содержится восторженная апологія французской революціи 1789 года, и что эта газета и прежде сего неоднократно проявляла доказательство усвоеннаго ею вреднаго направленія, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 прилож. къ ст. 4 уст. ценз., св. зак. Т. XIV, по продолж. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣ-

ламъ печати, опредѣлил: объявить газетѣ „Недѣля“ первое предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора, домашняго учителя Павла Гайдебурова.

— 16 іюня въ субботу, на Волковскомъ кладбищѣ, какъ передаетъ „Нов. Время“, происходило освященіе памятника-плиты на могилѣ Ивана Сергѣевича Тургенева. Все купленное комитетомъ литературнаго фонда мѣсто обнесено теперь желѣзной рѣшеткой. На могилѣ — камень, на немъ надпись: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ“ и подъ нею цифры 1818—1883—года рожденія и смерти. Этотъ камень монопольно единственный, который нашли въ Петербургѣ. Вѣсь его — чернаго сердобольскаго гранита, хорошо отполированнаго — 600 пудовъ. Камень лежитъ на фундаментѣ изъ сѣраго гранита. Народу собралось человекъ полтора, считая въ этомъ числѣ и литературную семью. Изъ писателей тутъ были: С. В. Максимовъ, М. М. Стасюлевичъ, члены комитета литературнаго фонда, городской голова И. И. Глазуновъ и др. лица.

— „Новости“ извѣщаютъ, что 19-го іюня, за границею, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался генералъ-адъютантъ графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ. И такъ, однимъ славнымъ русскимъ человекѣмъ стало меньше. Имя этого знаменитаго инженера, неразрывно связанное съ событіями знаменательной севастопольской эпохи и послѣдней русско-турецкой войны, не только произносится съ уваженіемъ во всѣхъ углахъ обширнаго русскаго царства, но пользуется заслуженною извѣстностью далеко за предѣлами Россіи.

— Телеграмма „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ въ „Русск. Кур.“ извѣщаетъ, что учрежденіе въ Харьковѣ практическаго технологическаго института окончательно рѣшено, и министру народнаго просвѣщенія предоставлено внести въ Государственный совѣтъ проектъ устава. Кромѣ того, министерству разрѣшено принять заявленныя пожертвованія. Открытіе института послѣдуетъ вѣроятно въ 1885 году.

— Редакторомъ журнала „Здоровье“, по сообщенію „Новаго Времени“, утвержденъ докторъ П. П. Смоленскій, получившій, по словамъ „Русской Медицины“, солидную гигиеническую подготовку у Петтенкофера.

— Телеграмма „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ изъ Нижняго Новгорода отъ 18 іюня передаетъ, что министерство финансовъ предложило нижегородскому ярмарочному биржевому комитету разсмотрѣть въ предстоящую ярмарку вопросъ о направленіяхъ сибирской желѣзной дороги: на Казань-Екатеринбургъ и на Уфу-Челябинскъ Екатеринбургъ, заключеніе комитета представить на обсужденіе ярмарочнаго купечества и высказанное имъ мнѣніе препроводить въ министерство.

Освященъ и открытъ плашкоутный мостъ черезъ Оку. Губернаторъ отдалъ слѣдующій приказъ по нижегородской полиціи: „Объявить рабочимъ, что всякіе беспорядки будутъ прекращаться крутыми мѣрами; изъ арестованныхъ 112 человекъ, буйствовавшихъ и грабившихъ евреевъ 7-го іюня въ Макарьевской части, никто до суда освобожденъ не будетъ. Полиція обязывается представить въ трехдневный срокъ списокъ евреевъ, проживающимъ незаконно“.

— „Новостямъ“ передаютъ, что генералъ-губернаторъ Колпаковскій представилъ на утвержденіе высшихъ правительственныхъ учрежденій новый, выработанный имъ, проектъ штатовъ канцеляріи и чиновъ, состоящихъ для исполненія порученій при степномъ генералъ-губернаторѣ, причемъ часть расходовъ по увеличенію штатовъ проектируется возложить на земство.

— По словамъ „Новаго Времени“, на вакантный, по случаю недавней смерти генерала Астафьева, постъ оренбургскаго военнаго губернатора и наказнаго атамана оренбургскихъ казачьихъ войскъ, назначается нынѣшній военный губернаторъ Тургайской области генеральнаго штаба генералъ-майоръ Проценко.

— „Эхо“ сообщаетъ, что главнымъ начальникомъ пріамурскаго края назначается генералъ-адъютантъ, баронъ Корфъ.